

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Коваленко†, Наталья Овчарова, Виталий Бурлаку,
Александр Левинский, Виорика Паскарь†, Яцек Лудвикзак

Некоторые результаты раскопок в гроте Брынзень (Среднее Попрутье) в 2024 г.

Key words: Paleolithic, Epigravettian, Moldavian Szelet, Prut, Brînzei grotto.

Cuvinte cheie: Paleolitic, Epigravettian, Szeletul moldovean, Prut, grotă Brînzei.

Serghei Covalenco, Natalia Ovcearov, Vitalii Burlacu, Alexandr Levinschii, Viorica Pascari, Jacek Ludwiczak

Some results of excavations at the Brînzei Grotto (Middle Basin of Prut River) in 2024

During the field research in 2024, a rich collection of flint finds consisting of 2,100 artifacts and more than 3,000 fragments of wild animal bones was collected on an area of just a few square meters of the entrance platform of the Brînzei Grotto in Edinet District, Republic of Moldova. Most of them belong to the third cultural layer, which was divided into Epigravettian and Moldavian Szeletian. Particular attention was paid to the variable lithological nature of the deposits in the grotto, the stratigraphic position of the cultural layers, and the technical and morphological appearance of the defining types of flint inventory.

Serghei Covalenco, Natalia Ovcearov, Vitalii Burlacu, Alexandr Levinschii, Viorica Pascari, Jacek Ludwiczak

Câteva rezultate ale săpăturilor arheologice din grotă Brînzei (Bazinul Prutului de Mijloc) din anul 2024

În timpul cercetărilor de teren din anul 2024, pe o suprafață de doar câțiva metri pătrați a platformei de intrare a Grotei Brînzei din raionul Edineț, Republica Moldova, a fost colectată o bogată colecție de piese din silex, constând din 2100 de artefacte și peste 3000 de fragmente de oase de animale sălbatice. Majoritatea acestora aparțin celui de-al treilea strat cultural, care a fost împărțit în Epigravettian și Szeletian Moldovenesc. O atenție deosebită a fost acordată naturii litologice variabile a depozitelor din grotă, poziției stratigrafice a straturilor culturale și aspectului tehnic și morfologic al tipurilor definitorii de inventar de silex.

Обычное упоминание о гроте Брынзень¹ (рис. 1) вызывает у местных археологов и любителей древностей, как чувство восторга, в связи с чем-то необычным, уникальным, типа находки амулета-подвески из бивня мамонта, так и тягостное ощущение чего-то непонятного и страшного, вызванное загадочным появлением в нашем регионе носителей традиций центрально-европейского селета и не-

определенностью во времени их пребывания в Карпато-Поднестровье. Один из первооткрывателей грота Н.А. Кетрару, раскопавший его на основной площади, отнес к так называемому «молдавскому селету» находки из третьего культурного слоя, вскользь упомянув, что его мощность составляла не менее 60 сантиметров². Последнее обстоятельство, в совокупности с пёстрым обликом каменной индустрии, необычайным контрастом между присутствующими в коллекции среднепалеолитическими и верхнепалеолитическими формами инвентаря, неоднократно провоцировало археологов на попытки разделить его на более дробные составляющие. В 1987 г. это попытался сделать И.А. Борзияк и С.И. Коваленко [Borziak 1988;

1. Грот находится в 1,3 км к юго-западу от с. Брынзень (Brînzei) Единецкого района на северо-западе Республики Молдова. Он располагается в местности Мерсына, у края плато по левому покатому склону долины р. Раковец, левобережного притока Прута, на высоте 62 м от тальвега реки. Это крупная карстовая полость в верхнем ярусе тортон-сарматских рифовых известняков. Глубина грота 9 м, ширина 18 м, а высота свода от 0,5 до 4 м. Несмотря на то, что он открыт к северу, благодаря своему широкому входу он выглядит достаточно светлым, производит впечатление сухого и комфортного убежища, пригодного для проживания.

2. В первый год исследований в гроте в шурфе 1 мощность культурного слоя составила до 80 см [Ketaru 1961, 23-43; 1973, 69-74]

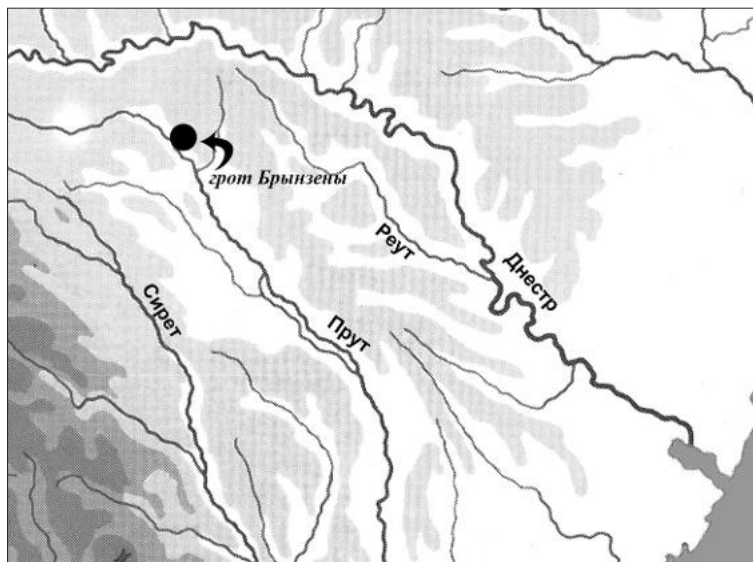

Рис. 1. Местоположение грота Брынзены на карте.

Fig. 1. Location of the Brinzeni Grotto on the map.

Chirica *et al.* 1996, 13-30], в 2015 В.А. Бурлаку и Л.Б. Вишнякий, а в 2024 г. С.И. Коваленко. Все безрезультатно.

Слой не раз демонстрировал залегание типично верхнепалеолитических находок под явно мустьерскими артефактами. А это в свою очередь еще на раннем этапе исследований послужило стимулом для выделения симбиотической брынзенской археологической культуры начальной поры верхнего палеолита [Rogachev, Anikovich 1984, 172-173]. С другой стороны, достаточно развитая ориньякская, составляющая кремневой коллекции третьего слоя, позволила И.А. Борзияку выделить на его основе «ориньяк с бифасами» [Borziac 2008, 21]. Сейчас от выделения брынзенской археологической культуры, даже в её модернизированном виде типа Рипичень-Брынзень [Chirică, Bodi 2011], отказались почти полностью. В настоящее время основной акцент делается на её технологическом, а также симбиотическом содержании.

Археологический возраст третьего слоя грота Брынзены почти единодушно оценивался археологами как наиболее ранний в рамках верхнего палеолита. Однако радиоуглеродные даты, хотя и полученные в разных лабораториях к концу прошлого века, очерчивали несколько иной интервал пребывания человека в гроте. Для нижнего слоя он составил от 27 до 16 тыс.

лет ВР. Чуть позже усилиями итальянской исследовательницы Лауры Лонго, была сделана серия новых датировок, самые ранние из которых подтвердили версию археологов о принадлежности этого памятника к начальной поре верхнего палеолита составив около 34 тыс. лет ВР.

Интерес к памятнику постоянно возрастал. И в 2024 г. достиг своего апогея, когда группа энтузиастов во главе с Адрианом Мустяцэ, при техническом содействии Яцека Лудвикзак, обеспечившего экспедицию движком-генератором, перфораторами и лебедкой, приступила к очистке от крупных камней, глыб и валунов в западной части привходовой площадки небольшого участка, ранее не затронутого раскопками. В ходе последующих раскопок была изучена следующая стратиграфия.

Стратиграфия памятника

Наиболее полный стратиграфический разрез в ходе полевых исследований 2024 г. в гроте Брынзены подготовлен по юго-западной стенке раскопа (рис. 2). Его протяженность всего три метра, он ориентирован с юго-востока на северо-запад по линии кв. Н-I-J/19. В состав его отложений входит современный наносной слой, два слоя голоценового времени и литологические напластования позднеплейстоценового возраста. Скальное дно, расположенное на глубине трех метров, к сожалению, было просле-

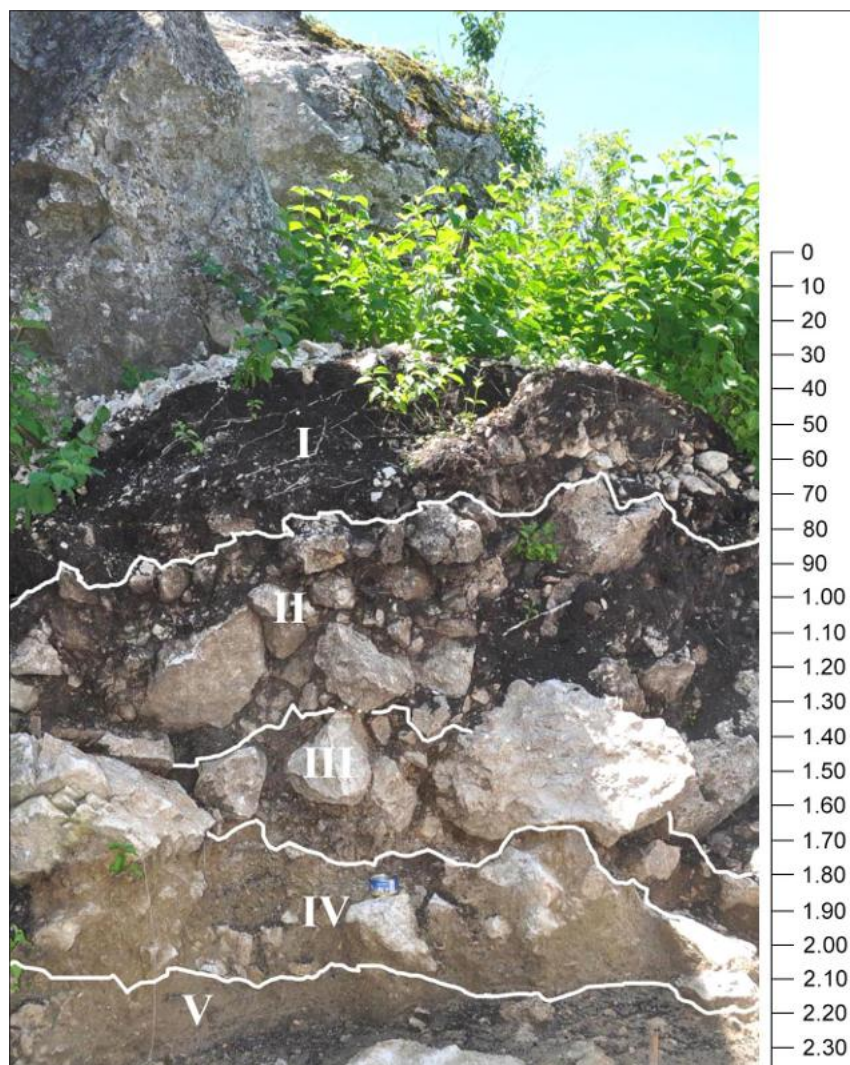

Рис. 2. Стратиграфия грота. I – остатки старых отвалов; II – отложения позднего голоцена (энеолит, бронза, средневековье); III – отложения раннего голоцена (мезолит); IV – отложения позднего вюрма (эпиграветт); V – отложения среднего вюрма (молдавский селет).

Fig. 2. Stratigraphy of the grotto. I – remains of old waste heaps; II – Late Holocene deposits (Eneolithic, Bronze Age, Middle Ages); III – Early Holocene deposits (Mesolithic); IV – Late Wurm deposits (Epigravettian); V – Middle Wurm deposits (Moldavian Selet).

жено только на кв. I-J/17. Обобщенный вариант стратиграфии выглядит следующим образом:

Слой I. Черноземный грунт и известняковый щебень, выброшенный из старых раскопов, основная часть которого образовалась на основе овечьего кизяка, меньшая его часть была смыта в грот с плато. Мощность 30-40 см.

Слой II. Черноземный грунт и масса каменных блоков и валунов, попавших на приходовую площадку грота в позднем голоцене. В переотложенном виде содержит разрозненные остатки первого культурного слоя эпохи

энеолита, поздней бронзы и средневековья. Мощность 50-100 см.

Слой III. Бурый суглинок в нижней части рыжевато-коричневого оттенка, перекрытый конгломератом из каменных глыб и валунов. У пристеночных участков отмечены кремневые артефакты *in situ* и раздробленные кости животных, сопоставимые со вторым культурным слоем, сформировавшимся в раннем голоцене. Возможно, с пребыванием человека в гроте связана и часть огромного скопления костей грызунов и птиц. Вопрос о принадлежности этого слоя к раннему

мезолиту или финальному палеолиту остается открытым. Мощность 15-30 см.

Слой IV. Желто-коричневые лёссовидные суглинки, на отдельных участках напоминающих супесь с периодическими концентрациями щебня и валунов. Именно в этом литологическом слое прослежена кровля третьего культурного слоя, которая выделена в самостоятельный археологический контекст, известный как эпиграветт, датируемый в пределах 18-20 тыс. лет ВР. Мощность 20-40 см.

Слой V. Светло-коричневые глинистые отложения, насыщенные известковой крошкой и отдельными включениями щебня и валунов. Содержит селетоидные находки из средней части третьего культурного слоя, датируемые по 14С в пределах 27-34 тыс. лет ВР. Мощность – не менее 30 см.

На месте описанного участка стратиграфического разреза раскоп доведен до глубины 2,3 м. Остались неизученными остатки самой нижней части третьего культурного слоя, первоначально выделенного как прослой с более архаичными находками. Соответственно скалистое дно грота здесь в будущем должно проявиться после удаления отложений мощностью не менее чем в 60 см.

В гротах и пещерах обычно наблюдается сложная стратиграфия, и характер напластований может измениться уже через несколько метров. Грот Брынзень не стал исключением. Так, в процессе наших раскопок, менее чем в трех метрах к востоку от основного разреза, прослежена последовательность напластований (рис. 3), которая не включает отложений раннего голоцена и предполагаемые мезолитические находки крайне редки, залегая разрозненно на более высоком уровне. Крайне малым числом артефактов представлены находки эпиграветта, которые залегают на границе черноземного и желто-коричневого слоев. Их подстилает серый, порой желтоватый

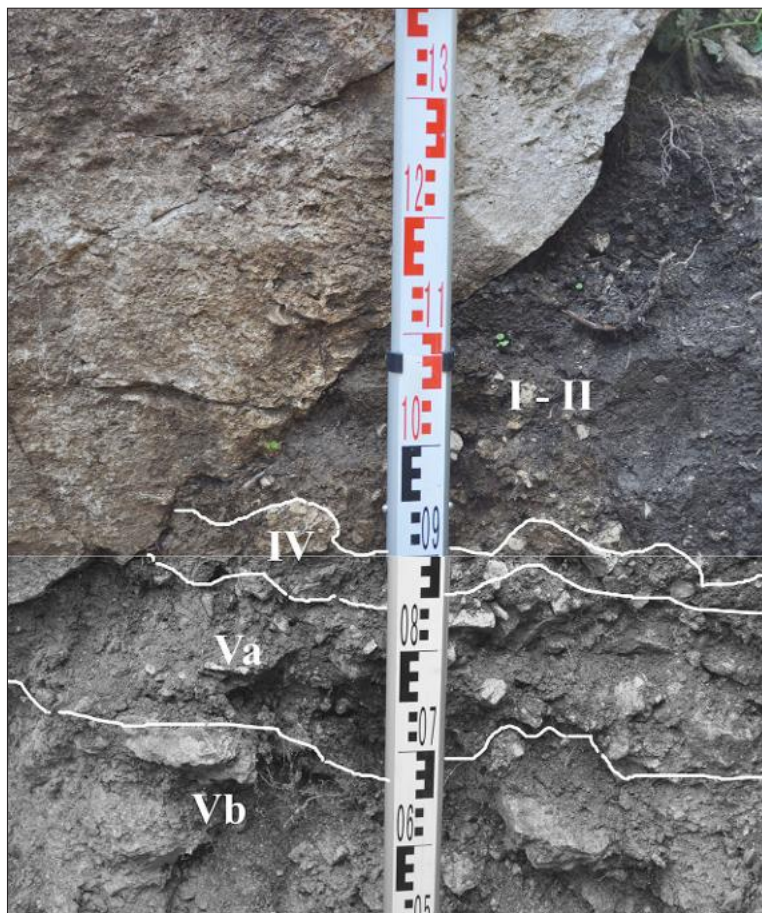

Рис. 3. Фрагмент восточной стенки раскопа без четко выраженной стратиграфии с тремя верхними горизонтами (IV и Va) и двумя нижними (Vb).

Fig. 3. Fragment of the eastern wall of the excavation without clearly defined stratigraphy with three upper horizons (IV and Va) and two lower ones (Vb).

суглинков, местами насыщенный песком или известковой крошкой. Явные признаки переотложения этого литологического прослоя очевидны. Верхняя его часть более темной тональности, перенасыщенная известняковой щебенкой, содержит остатки пребывания в гроте носителей традиций «молдавского селета». На кв. I-J/17³ наблюдается исключительно высокая концентрация кремневых изделий и

3. Именно на кв. I-J/17 из-за предельной концентрации находок в третьем культурном слое мы условно распределили всю его 60-сантиметровую толщу на пять горизонтов. С эпиграветтом связан первый из этих горизонтов, с верхним селетоидным прослоем – 2 и 3, а с нижним – 4 и 5. По глубинам, граница между 1 и 2 горизонтами составляет 215-220 см, а между 3 и 4 частями около 240 см. Самые низкие по глубине отметки расположения находок определены на уровне 260 см.

обломков костей лошади, реже северного оленя и бизона. С этим прослоем (рис. 2,Va) связано и сосредоточение большого числа костей грызунов, изъятых как в ходе расчистки самого слоя, так и отбираемых при просеивании грунта. Нижняя часть третьего культурного слоя (рис. 2,Vb) также представлена скоплением каменных и костяных находок. Вмещающий находки грунт – более светлый по окраске суглинок с большим числом известняковых и меловых камней, чаще более крупных, чем это можно было наблюдать, в перекрывающем их прослое. Здесь также присутствует значительное число артефактов, расположенных под наклоном, на ребре и вертикально.

Ниже третьего культурного слоя на кв. I-J/17 наблюдается чередование рыхлых переложных суглинков рыжевато-коричневого оттенка с мелким известняковым щебнем. Находок нет, даже мелкие обломки косточек отсутствуют. Наблюдается уплотнение щебнистого материала. Глинистые включения заменяются переработанным щебнем. По данным Н.А. Кетрару, от основания слоя 3 до дна грота стерильные отложения составляют не менее 40 см. На кв. I/17 относительно ровное плитчатое ложе зафиксировано на глубине 307 см. В частности, на этом уровне выявлены две плитки. Размеры одной из них 23×20×11 см. Под плитками залегал плотный ненарушенный слой щебня, прокопанный до глубины 345 см.

Первый этап работы: удаление завала из камней

Надо признать, что первым и самым важным результатом проведенных работ в гроте явилось удаление завала из камней, что позволило обозначить единственный пригодный для раскопок участок – с западной стороны грота, на привходовой площадке за капельной линией, под завалом из каменных блоков и глыб (рис. 4). Используя буквенно-цифровую нумерацию квадратов, принятую Н.А. Кетрару, под завалом оказался участок из квадратов 3-И-К-Л/16-19, а если перевести буквенную нумерацию на латиницу, то H-I-J-K/16-19. С востока и севера он ограничен старыми раскопами Кетрару и Бурлаку соответственно, с западной стороны – покатым склоном в направлении к Раковцу, а с южной известняко-

вой скалой. Возможно, линия квадратов G/15-18 не была докопана Н.А. Кетрару полностью, так как она также перекрывалась глыбами из завала. Еще до начала раскопок можно было видеть потревоженные плейстоценовые суглинки, которые выступали из-под завала на кв. G/18. Исходя из этой первоначально оптимистической версии, под завалом мог сохраниться третий культурный слой на площади до 16 кв. метров. Хотя учитывая близость крутого склона, эта площадь могла сократиться до 12 кв. метров.

Процесс удаления каменных блоков оказался очень трудоемким. Крупные блоки обрабатывались перфоратором, высверленные в ряд отверстия-углубления, при помощи вбиваемых железных клиньев, образовывали трещину, которая после серии ударов тяжелой кувалдой отрывала от блока или глыбы крупный кусок каменной породы. Наиболее тяжелые блоки подтаскивали к краю обрыва при помощи лебедки, а более мелкие перемещали при помощи лома.

В итоге образовалась площадка в неполные восемь квадратных метров, избранной для будущего раскопа, и осталось лишь два крупных каменных блока. В западной части площадки удалось убрать большую часть такого блока, но на кв. K/19 его остатки решили не трогать, так как там уже начинались склоновые отложения, расчистка которых не имела смысла. Второй блок на кв. I-J/17 был убран в полном объеме, но после него, к сожалению, осталась заметное углубление, сократившее объем плейстоценовых суглинков.

Второй этап работы: исследование культурных напластований

Расчистка площадки для раскопа потребовала удаления не только камней, но и рыхлого грунта. Это был чернозем, однородный по составу, без меловой крошки, перенасыщенный валунами и щебнем (рис. 2,II). Как в свое время писал Н.А. Кетрару [Ketraru 1965, 18], в нем встречался необычный кремний (рис. 5,17-18) и фрагменты костей животных. Условно эти находки могут соответствовать остаткам первого культурного слоя. Они не образуют каких-либо скоплений, но изредка встречаются в составе линз угловатой щебенки или пепельно-золи-

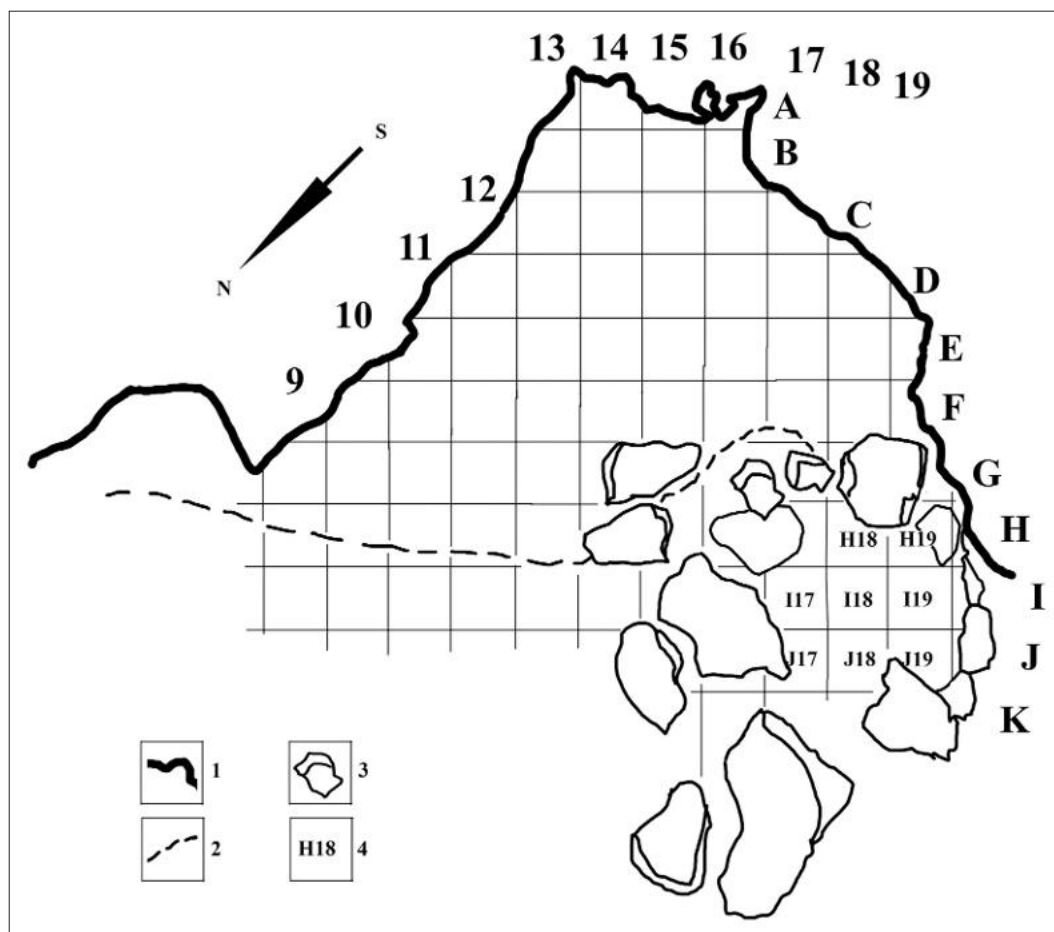

Рис. 4. Схематический план грота с площадкой нового раскопа среди расчищенного завала из камней (предлагаемые для исследования квадраты пронумерованы). 1 – граница грота; 2 – современная капельная линия; 3 – крупные каменные блоки и валуны; 4 – буквенно-цифровая нумерация квадратов.

Fig. 4. Schematic plan of the grotto with the site of the new excavation among the cleared rubble of stones (the squares proposed for study are numbered). 1 – boundary of the grotto; 2 – modern drip line; 3 – large stone blocks and boulders; 4 – alphanumeric numbering of squares.

стых прослоек. В коллекции артефактов (всего 405 экз.) из верхнего культурного слоя выделяются кремневые изделия и отходы от обработки кремня – 96 экз.; кости, обломки костей, зубы животных – 278 экз.

При расчистке квадратов H-I/19 на стыке чернозема и желто-коричневых позднеплейстоценовых суглинков прослежены остатки мезолитического слоя (рис. 2, III) в виде обломков костей и зубов мелких млекопитающих, небольших по своим размерам пластин и отщепав из серого кремня, двуплощадочного нуклеуса с негативами отжимного снятия заготовок (рис. 5, 13).

Промер глубин от нулевого репера (по Н.А. Кетрару, обозначенного на одной из стен

грота), показал, что в период раннего голоцена, тут наблюдалось существенное понижение поверхности привходовой площадки по направлению к покатому склону [Covalenco, Chetraru 1998, 57-67]. Так, расчистка на кв. J/19 выявила положение края привходовой площадки и здесь же резкое падение древней дневной поверхности. Это удалось проследить после удаления чернозема из узкого прохода между крупными камнями, который первоначально был принят за промоину. По крайней мере, на кв. J/19 граница привходовой площадки была ориентирована по линии восток-запад. О начале здесь достаточно крутого склона свидетельствует и наличие пустот под каменными глыбами в западной и юго-запад-

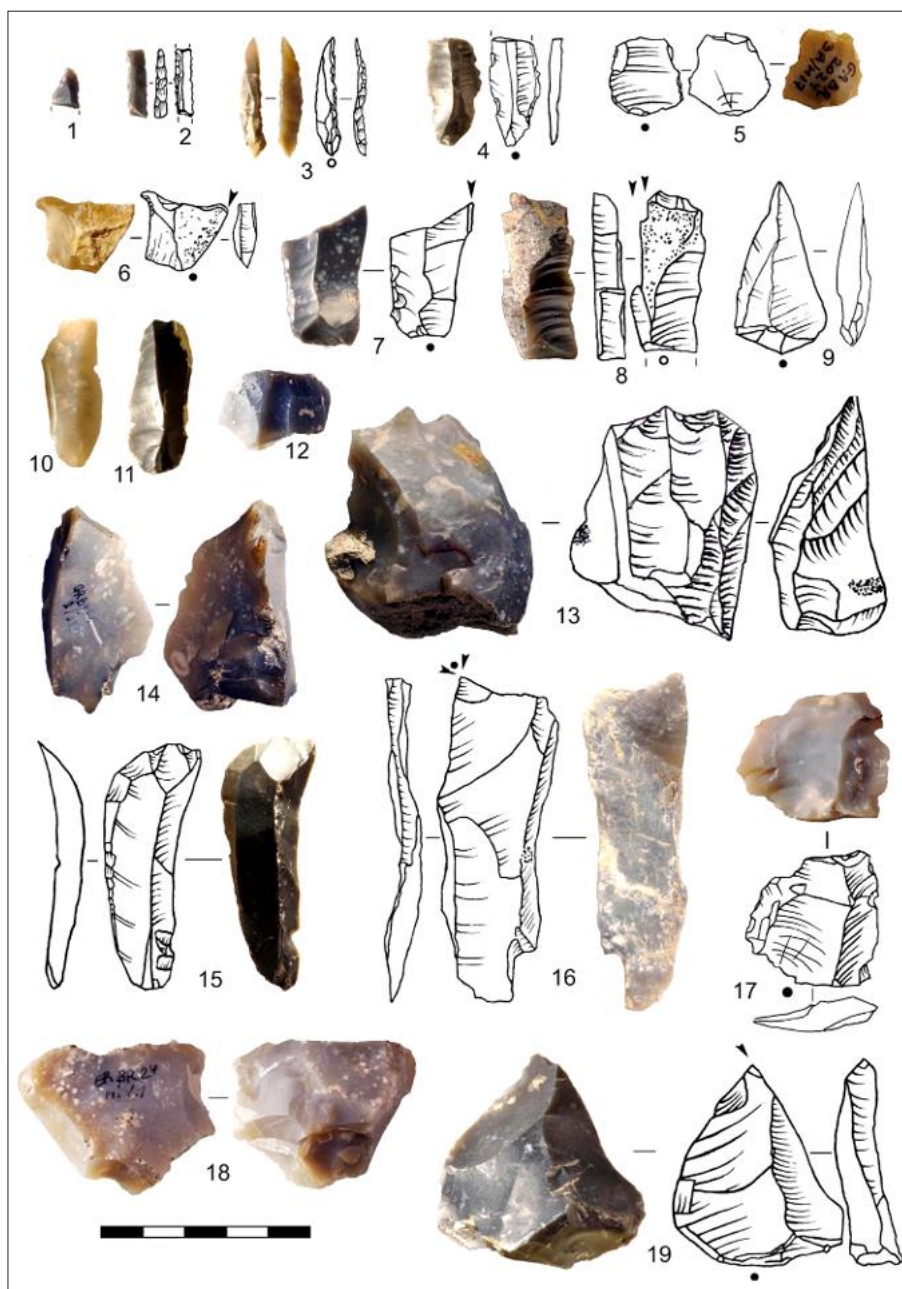

Рис. 5. Отдельные кремневые находки из верхних культурных слоев и эпиграветтского прослоя. 17-18 – из слоя 1 (энеолит, переотложенные находки палеолита); 10-11, 13-14 – из слоя 2 (мезолит); 1-9, 12, 15-16, 19 – из слоя 3 (эпиграветт).

Fig. 5. Individual flint finds from the upper cultural layers and the Epigravettian interlayer. 17-18 – from layer 1 (Eneolithic, redeposited Paleolithic finds); 10-11, 13-14 – from layer 2 (Mesolithic); 1-9, 12, 15-16, 19 – from layer 3 (Epigravettian).

ной части этого же квадрата. В составе грунта склоновых отложений достаточно часто встречались обломки костей и кремневые изделия, сопоставимые с первым культурным слоем. Что касается локализации находок второго культурного слоя на линии кв. Н-I-J/19, то они в большей степени распространены в

западной части этих квадратов. В их составе нуклеидный обломок, отщеп и фрагмент пластины, зуб копытного животного, мелкие обломки трубчатых костей. Лучшая сохранность культурного слоя наблюдается вблизи пристеночных участков грота, где процесс смещения находок был менее выражен.

Из этого же слоя происходит внушительная коллекция костей грызунов, среди которых имеются крупные особи, такие как заяц-беляк и заяц европейский, мормота бобак и бобер. Вес этих половозрелых особей мог превышать 10 кг, а значит, они могли являться объектом охоты обитателей грота. В составе костей млекопитающих, общее число которых достигает 64 экземпляров, преобладают мелкие обломки (49 экз.), встречаются крупные толстостенные фрагменты (6), диагностические кости (6), зуб травоядного животного, остатки роговых отростков (2).

Коллекция каменных находок, сопоставимых со вторым (мезолитическим) слоем грота, крайне малочисленная. Из 62 кремневых артефактов выделяется один нуклеус, 46 отщепов, 10 пластинчатых сколов, две чешуйки и три краевых скола. Среди отщепов наиболее полноценными заготовками являлись сколы средних размеров от 3 до 5 см в поперечнике. Они имеют более правильную огранку и достаточную толщину для производства отдельных категорий орудий. Мелкие отщепы в массе своей относятся к дебитажу. Крупные отщепы несколько удлинены, не имеют правильной огранки, что объясняет причину их не востребованности. Несколько лучшая сохранность у пластин (6 экз.), пластинок (3) и одной микропластинки. При этом для них характерна повышенная фрагментация и более правильная огранка спинок (рис. 5,10-11). Три массивных краевых скола не выразительны. Из орудий имеется единственный предмет – нож с двумя лезвиями, сильный износ которых перекрывается у проксимального конца противоположной ретушью утилизации, от его использования в качестве развертки (рис. 5,14).

Третий культурный слой. Верхние культурные напластования. Эпиграветт

Начало в изучении третьего культурного слоя было положено расчисткой в центральной части кв. Н-І/19 плотного скопления из отходов кремнеобработки, пластинок и мелких отщепов (рис. 6). На кв. Н/19 его мощность превысила 15 см. Первоначально со скоплением был связан всего лишь один нуклеидный обломок. Нуклеусов и отбойников обнаружено не было, поэтому считать его участком,

где производилось специализированное расщепление кремня, у нас пока нет оснований. Почти весь кремь из этого скопления черного цвета⁴. Уже при осмотре первых кремневых находок было обращено внимание на некую миниатюризацию инвентаря. С другой стороны, в коллекции было сравнительно много мелких пластинчатых сколов, большинство которых фрагментировано, судя по одному найденному микрорезцу, возможно, преднамеренно.

Первым признаком, говорившем об особом статусе верхних культурных напластований третьего культурного слоя стало извлечение изящного по своим очертаниям микроострия на узкой пластинке с притупленным краем (рис. 5,3). Эта находка могла бы поставить в тупик многих исследователей⁵. Ведь если такое «руководящее ископаемое» появляется в слое, то это означает, что в этой коллекции присутствует эпиграветтский компонент. Пластинчатая индустрия верхней части⁶ слоя 3 является граветтоидной. Ведь вторичная обработка этого вкладыша-вставки крутой усекающей ретушью (*à bord abattu*) нельзя назвать тривиальной. Для производства такого изделия требовалось привлечение высокой для того времени технологии обработки камня.

Продолжая характеристику скопления кремневых находок на кв. Н-І/19 отметим, что оно имело вытянутую форму, длинной осью ориентированное по линии восток-запад, с увеличением плотности залегания находок

4. Ближайшее месторождение такого желвачного кремня обнаружил Яцек Лудвикзак в обнажениях первой надпойменной террасы р. Прут у с. Лопатник Единецкого района РМ.

5. Как известно, в коллекциях селетоидных памятников присутствует граветтская составляющая, в виде пластинок с притупленным краем. Их крайне мало, но они все-таки есть. В гроте Брынзень нам известно о четырех таких предметах, собранных Н.А. Кетрау в ходе раскопок 1963-1965 гг. [Ketraru 1965, 39-40]. Однако при ближайшем рассмотрении, оказалось, что одна брынзенская пластинка вовсе не микролит, а обычная пластина с мелкой регулярной ретушью по краю. Такой же ретушью, но не по всей длине края обработан второй экземпляр. Третий, однозначно относится не к граветту, а к ориньякским микролитам, являясь пластинкой типа *Дюфур*. И только последний предмет, по всей видимости, сопоставим с эпиграветтом, так как обработан по выпуклому краю ретушью близкой к усекающей.

6. Его также можно рассматривать и как линзу культурных остатков в кровле третьего культурного слоя.

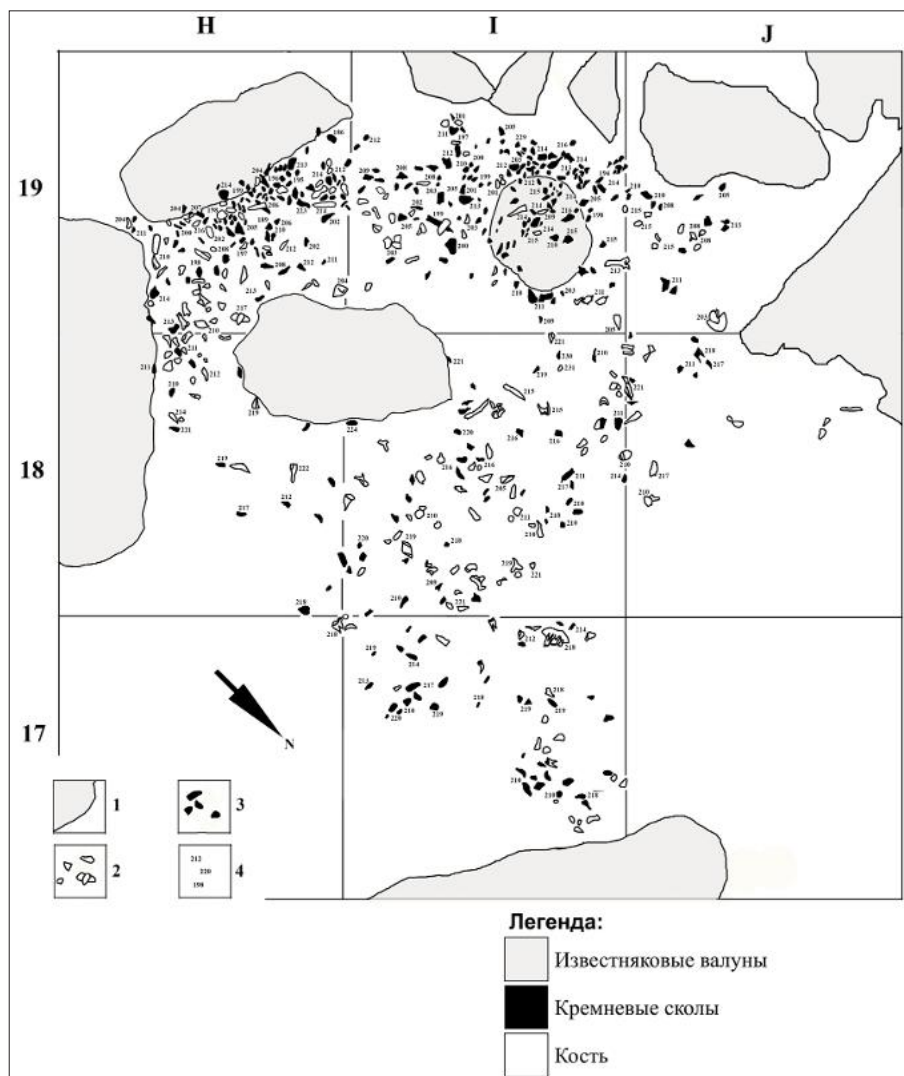

Рис. 6. Планиграфия верхней части (горизонт 1) третьего культурного слоя, сопоставимого с эпиграветтом. 1 – каменные блоки и валуны; 2 – обломки костей и зубы диких животных; 3 – кремневые изделия и дебитаж; 4 – отметки глубин.

Fig. 6. Planigraphy of the upper part (horizon 1) of the third cultural layer, comparable with the Epigravettian. 1 – stone blocks and boulders; 2 – bone fragments and teeth of wild animals; 3 – flint products and debitage; 4 – depth marks.

книзу. Основных концентраций в скоплении две, одна, как ранее отмечалось, располагалась в центральной части кв. Н/1 между тремя каменными блоками, а также в центре кв. I/19 с небольшим смещением к юго-востоку, вокруг большого каменного блока и под ним. Если в первой концентрации находки залегали в интервале от 197 до 212 см от 0, то во второй от 198 до 214 см. Вмещающий эти находки грунт представлен более глинистым составом, не столь перегружен щебнем, как окружающий суглинок, имеет волнистые белесые разводы, сви-

детельствующие о неоднократных затоплениях грота. Во второй концентрации находок этого скопления на кв. I/19 несколько нуклеидных предметов сформировали некое подобие брекчии. Именно на кв. I/19 была зафиксирована вторая не менее важная находка, подтверждающая граветтоидный характер верхней части третьего культурного слоя. Это сечение микропластинки с притупленным краем (рис. 5,2). Подчеркнем особо, что в отличие от пластинок с притупленным краем на селетских памятниках, наша находка миниатюрна, обработана

усекающей ретушью и предположительно имеет преднамеренно обломанные концы.

Несколько иной характер отложений отмечен для верхней части третьего культурного слоя на кв. I/18. Здесь в большем числе представлены обломки костей мелких животных с необычной коричневатой поверхностью. Встречаются диагностичные обломки суставов, фаланги. Кремьень здесь тоже черный прутский, но расположение его иное. Он сосредоточен по всей поверхности квадрата, не образуя скоплений. Кроме того находки из черного кремня располагаются на ребре и даже вертикально.

На кв. I/17 можно наблюдать продолжение скопления культурных остатков, хотя плотность находок значительно падает. В северо-восточном секторе этого квадрата находки эпиграветта утрачены, также как и сам вмещающий их грунт. Фактически пустыми оказались и два прилегающих квадрата – H/17 и J/17.

Крайне важную категорию находок составляют кухонные остатки и обломки костей животных, большая часть которых являлась охотничьими трофеями. Для эпиграветта грота Брынзень отбор костей на раскопе осуществлялся крайне осторожно. В случае сомнения в принадлежности того или иного артефакта к этому прослою, он не включался в его состав. Всего костно-зубо-роговой материал эпиграветта содержит 306 находок. Это выборка из целых и фрагментов костей крупных животных (264 экз.), включая 194 экземпляра, определенных до вида, а также зубов травоядных животных (39) и фрагментов роговых стержней (3).

Теперь рассмотрим кремневые находки.

Сырьевая база эпиграветта грота Брынзень представлена исключительно местным кремнем желвачного происхождения и в меньшей степени галечного, из обнажений речных террас, возможно, даже первой надпойменной террасы Прута, а также и из руслового аллювия и галечников. Доля черного прутского кремня среди эпиграветтских артефактов необычайно высока и составляет не менее 30%, а среди нуклеидных находок превышает 50%. Наиболее широкое использование черного прутского кремня отмечено для микропластинок.

Техника раскалывания кремня в брынзенском эпиграветте безусловно призматиче-

ская, направленная на получение пластинчатых сколов, которые обычно сохранялись в целом виде. В нашем распоряжении есть всего два нуклеуса и один очень выразительный обломок нуклеуса. Первый нуклеус односторонний, одноплощадочный, с негативами скалывания пластинок и коротких отщепов. Его ударная площадка – гладкая сильно скошенная, без признаков редуцирования, с необрушенными карнизами. Второй нуклеус – двуплощадочный полюсный, но с фронтами скалывания в разных плоскостях. По-прежнему техника параллельного скалывания доминирует. Негативы снятия широких пластин, в одном случае перекрываются заломом. Наиболее качественным является обломок одноплощадочного нуклеуса с идеально правильной огранкой, свидетельствующей о массовом производстве пластинок (рис. 5,12). Именно на этом обломке отмечены признаки редуциации. Судя по сохранившимся четырем сколам оживления ударных площадок нуклеусов, односторонний способ скалывания был определяющим. Четыре ребристых и два реберчатых скола демонстрируют практику воссоздания выпуклого рельефа на сработанных рабочих фронтах.

К отходам обработки кремня относятся 10 нуклеидных и 21 мелкий обломок, 70 чешуек и не менее трети от всех мелких отщепов. В целом их насчитывается 182 экз. В противоположность дебитажу, в группе сколов-заготовок присутствуют 347 находок. В их числе 205 отщепов и 142 пластинчатых скола. Отщепы разделяются на крупные – 9 экз. (в поперечнике >5 см), средние – 46 (3-5 см) и мелкие – 150 (1-3 см). Редко, но все же среди них встречаются короткие массивные экземпляры с двугранной отбивной площадкой. В свою очередь пластинчатые сколы разделяются на семь крупных экземпляров, 31 пластину средних размеров, 50 пластинок и 54 микропластинок. Несравненно более правильная огранка наблюдается у пластинок. Подчеркнем ведущие позиции микропластинок и пластинок, в составе которых преднамеренная фрагментация свойственна главным образом самым мелким сколам. Крайне редко встречаются подтреугольные пластины с конвергентной огранкой (рис. 5,9).

Таким образом, из кровли третьего культурного слоя происходит 547 кремневых артефактов. В их число входит 14 индивидуальных находок. Это три резца и два изделия с резцовым сколом, один исключительно мелкий скребок на технологическом сколе, клювовидная проколка на мелком отщепе, отщеп с ретушью (рис. 5,5), две фрагментированные пластинки с ретушью, одна тронкированная пластина и три микролита с притупленным краем.

Все три резца свидетельствуют об их полифункциональном использовании. Самый массивный резец с негативом всего лишь одного резцового скола относится к боковой разновидности. Непосредственно к его резцовому лезвию примыкает выпуклый участок ретушированного края, сформированный чешуйчатыми вентральными фасетками. Последнее обстоятельство служит основанием для определения этого изделия в качестве скребла с обушком (рис. 5,19). Заготовкой для него был выбран отщеп средних размеров с радиальной огранкой спинки и с крупной отбивной площадкой, часть которой оказалась фасетированной.

Второй резец боковой пряморетушный (рис. 5,8) подготовлен на удлинённом отщепе с остатками галечной корки на дорсальной поверхности. Лезвие резца, неоднократно обновляемое, дополняется по противоположному краю мелкой регулярной ретушью на всем его протяжении. К элементам вторичной обработки отнесено и поперечно обломанное основание, с полностью удаленным ударным бугорком.

Третий резец – угловой на изломе крупной пластины (рис. 5,7), у которой край противоположный резцовому имеет на всем его протяжении регулярную мелкозубчатую ретушь, а поперечно сработанное основание – чешуйчатый вентральный износ, формирующий лезвие, сходное с долотовидным.

Два несостоявшихся резца, первый на мелком полупервичном сколе и второй на удлинённом отщепе (рис. 5,6,16) могут быть отнесены к угловой разновидности. Скребок на сколе оживления ударной площадки нуклеуса (рис. 15,12) имеет крайне мелкие размеры, составляя в поперечнике около 2 см, а его лезвие охватывает всего лишь четвертую часть пери-

метра скола. Отнесение этой находки к скребкам оправдано присутствием ретушного износа по выпуклому рабочему краю. В коллекции также присутствует пластина, сохранившаяся целиком с тронкированным дистальным концом и со следами утилизации по одному из краев (рис. 5,15). Необычна миниатюрная проколка на обломке первичного скола (рис. 5,6). Его короткое тонкое слегка изогнутое жало сформировано на углу излома, благодаря которому была отсечена большая часть отщепа, оставивший для орудия лишь небольшой проксимальный конец.

С индивидуальными находками связаны две пластинки, одна с мелкозубчатой ретушью на ограниченном участке края, другая с микрорезцовым сколом. И, наконец, рассмотрим три самые интересные находки, свидетельствующие о распространении вкладышевой техники и производстве микропластинок как компонентных заготовок, предназначенных для изготовления вкладышей-вставок. Это микроострие (рис. 5,3) с притупленным краем. Его размеры – 29×5×2 мм. Оно прямое, практически не изогнутое в профиле. Ретушированный край прямой, на всем своем протяжении обработан регулярной усекающей ретушью. Противоположный край – без признаков использования. Острие расположено на дистальном конце микропластинки. Такой же тип ретуши использован у микропластинки, точнее у ее сечения (медиальной части) по одному из продольных краев, в то время как противоположный имеет кромочную сработанность (рис. 5,2). Размеры этого вкладыша-вставки – 15×4×3 мм. Предполагается, что оба конца обломаны преднамеренно. Третий микролит сохранился в виде фрагмента (рис. 5,1), оба края которого частично обработаны мелкой ретушью. Вероятно, излом произошел еще в древности.

Этим мы завершаем описание кремневого материала из кровли нижнего культурного слоя. В целом для него свойственна миниатюризация, микропластинчатость, применение усекающей ретуши, широкое распространение техники резцового скалывания, развитый характер вкладышевой техники. «Руководящими ископаемыми» для эпиграветтского эпизода являются пластинка-сечение с при-

тупленным краем (вкладыши-вставки) и микроострие с притупленным краем, прямые аналоги которому мы находим в развитом эпиграветтском комплексе стоянки Косэуц на Среднем Днестре.

Третий культурный слой. Нижние культурные напластования. Молдавский селет

Если самый верхний горизонт третьего культурного слоя явно относится к эпиграветту, то четыре последующих горизонта, по нашему мнению, связаны с обитанием в гроте носителей традиций молдавского селета. При этом на кв. I-J/17 залегание находок селетоидного облика из второго и третьего горизонтов находилось в пределах 215-240 см. Если же судить по глубинным отметкам с кв. H-I/19, этот интервал был там намного меньшим, всего 220-222 см. На соседних кв. H-I/18 он зафиксирован в пределах 221-228 см. Это также свидетельствует о небольшом понижении древней дневной поверхности от крайней западной части грота к его середине.

Наибольшее число селетоидных артефактов отмечено в северной части кв. I/17, где они залегают сплошной массой (рис. 7-9) практически без перерывов, образуя конгломерат из разнообразных культурных остатков, скрепленных воедино грунтом, но не из чистой плейстоценовой глины или желто-коричневого суглинка с щебнем, а ближе к рыхлому рассыпчатому суглинку какого-то необычного буроватого оттенка. В ходе раскопок возникла некая уверенность в том, что с увеличением глубины залегания находок, среди них уменьшается число как предметов со сбитой кромкой, так и зубчато-выемчатых форм. Отмечено также небольшое снижение количества находок расположенных в слое вертикально, хотя число залегающих наклонно или на ребре не уменьшается.

У северо-восточного края кв. I/17 на глубине 240 см найдено даже копыто. Раскопаны также два обломка костей, окрашенных красным охристым веществом. Внутренняя поверхность одной из них (продольно расколота кость) имеет желоб, в котором, по всей вероятности, некоторое время содержалась краска. На этом же квадрате был обнаружен небольшой кусочек плотного охристого вещества, который даже при малом нажиме остав-

лял после себя линейный след. По форме этот сгусток вещества близок к плоскому комочку, на отдельных участках поверхности которого заметно выступание красящего вещества. Чуть позже на кв. I/18 был найден еще один кусочек плотного охристого вещества.

На кв. J/17 наблюдались находки из серого кремня высокого качества (рис. 10,2), покрытого известковистым налетом. В эту группу находок входят в основном отщепы средних размеров. На кв. I/17 на глубине 245 см обнаружен отбойник на песчаниковой гальке. Наиболее плотное скопление как крупных, так и более мелких кремневых артефактов, прослежены в западной части кв. I/17 на глубине 234-237 см (рис. 10,1). Причем ряд крупных сколов располагались здесь на ребре, один возле другого, в ряд один за другим, вплотную прилягаясь к известняковому валунчику.

Любопытно, что при расчистке самого нижнего горизонта основная масса находок была равномерно рассредоточена по большей части квадратов, в то время как в предшествующем горизонте (четвертом) была установлена их приуроченность к северо-восточной части этих же квадратов (рис. 11). Возможно, это связано с разницей в литологии вмещающей породы. В местах концентрации находок она более супесчанистая буроватая и рыхлая, а буквально на соседних участках к западу более плотная, суглинистая желто-коричневого цвета. Не исключено, что в первом случае мы наблюдаем концентрацию материала в местах понижения древней дневной поверхности, возможно, связанную с прекращением действия водотока по промоине.

Многие извлекаемые из слоя находки относились к разряду отборных артефактов. Отметим, что это мнение основано на определенных стандартах, широко распространившихся в период верхнего палеолита. Исследователи же среднего палеолита вынуждены в большей степени ориентироваться на технологические особенности каменных индустрий, а весь типологический набор используется крайне осторожно, перепроверяется посредством привлечения различного рода индексов.

Общее число кремневых артефактов из селетоидных горизонтов третьего культурного слоя, определяемого как «молдавский селет» (по Н.А. Кетрару) [1965] или «ориньяк с бифа-

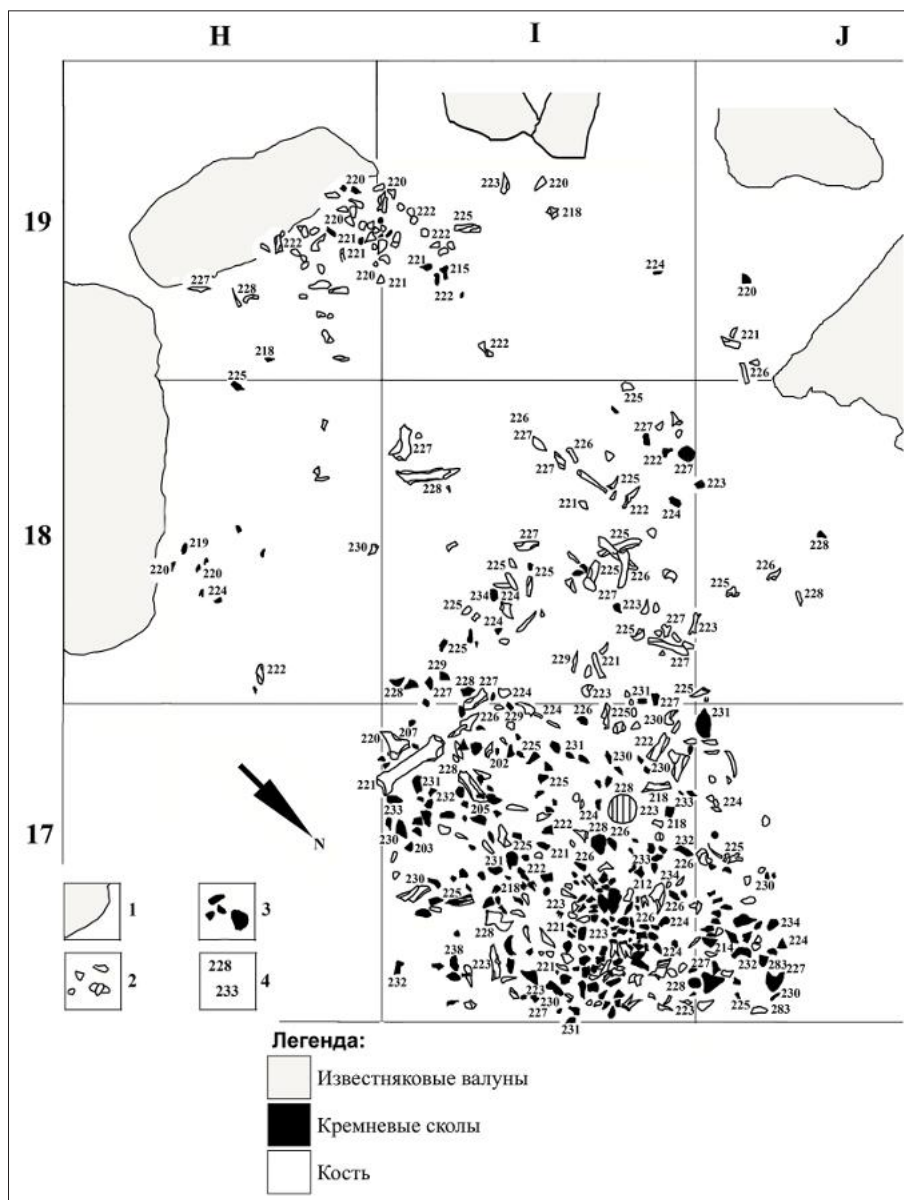

Рис. 7. Планиграфия средней части (горизонт 2) третьего культурного слоя, относимого к «молдавскому селету» (план раскопа 1).

Fig. 7. Planigraphy of the middle part (horizon 2) of the third cultural layer, attributed to the "Moldavian selet" (excavation plan 1).

сами» (по И.А. Борзияку) [Borziac 2008; Borziac et al. 2006, 52-75], собранных в ходе раскопок 2024 г., составляет 1399 экз., включая 166 орудий. Источниками сырья для их изготовления служил кремнь местного происхождения из отложений нижних террас и галечников р. Прут. Это серый (преобладает) и черный желвачный кремнь, обладающий высокими изотропными свойствами, изредка покрытый слабой белой патиной.

В коллекции кремневых изделий присутствуют одна мелкая и три расколотых гальки, 24 нуклеуса, 51 обломок желваков и галек, 52 технических скола, 44 чешуйки, 189 пластинчатых сколов и 1.035 отщепов.

Среди нуклеусов больше половины крайне нестабильны по форме, как правило, в поперечнике не превышают 5 см, не имеют четко выраженного фронта расщепления. Часто одиночные сколы, снятые со случайно обра-

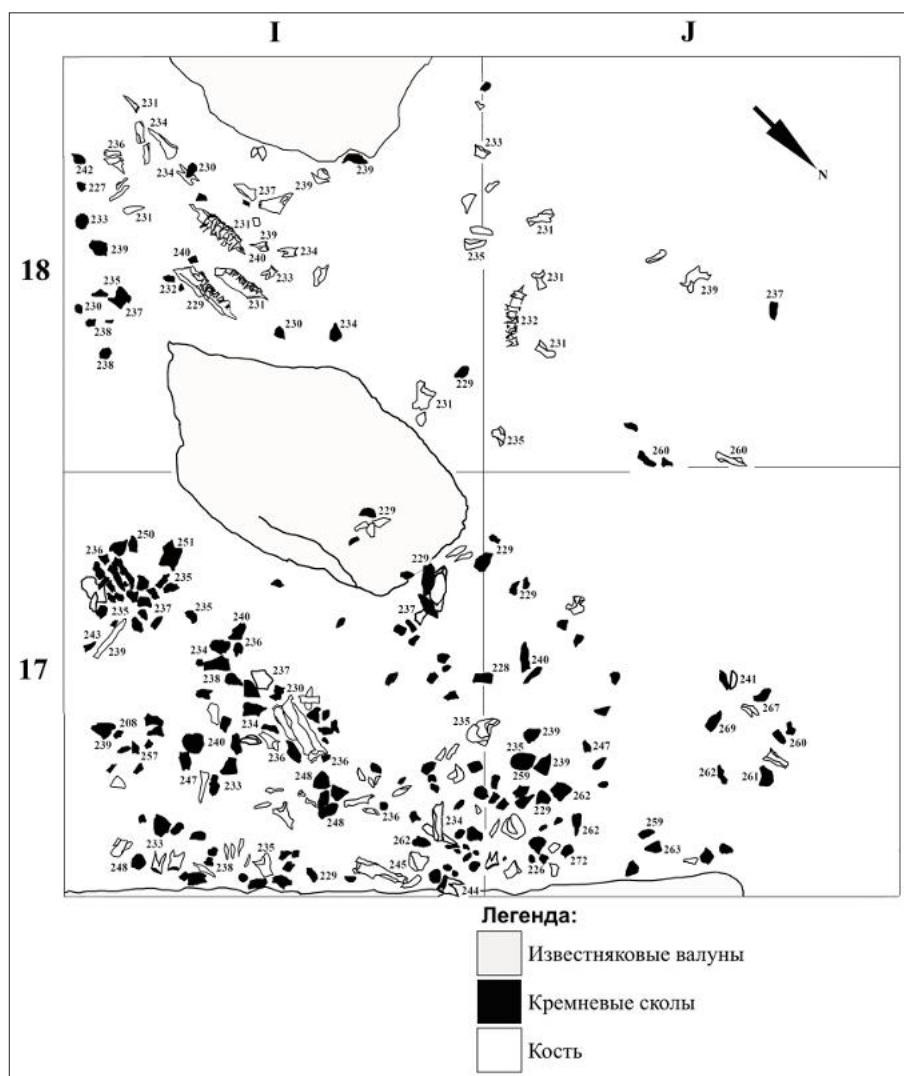

Рис. 8. Планиграфия средней части (горизонт 3) третьего культурного слоя, относимого к «молдавскому селету» (план раскопа 2).

Fig. 8. Planigraphy of the middle part (horizon 3) of the third cultural layer, attributed to the “Moldavian seleton” (excavation plan 2).

зовавшегося участка, в дальнейшем при обновлении могли быть превращены в ударные площадки, широкие гладкие без признаков редуции. По этой причине создается весьма негативное впечатление о технике раскалывания кремня. Положение спасают четыре правильно оформленные ядрища. Это крупный подпризматический нуклеус на начальной стадии раскалывания из местного серого желвачного кремня. Он одноплощадочный, короткий по своим пропорциям из-за крупной каверны в нижней его части. Обширная отбивная площадка на всем своем протяже-

нии подправлена серией сколов оживления, произведенных с одной стороны. Оба продольных края имеют негативы снятия крупных отщепов в традициях плоскостной системы скалывания, ближе к торцу переходящую в типично призматическую огранку. Тыльная сторона этого нуклеуса сохранила желвачную корку. Любопытно, что на поверхности также фиксируются известковистые натёки, которые при камеральной обработке были удалены в слабом растворе соляной кислоты. Высота этого артефакта – до 7 см, максимальная длина – 9,4 см, ширина 4,3 см.

Fig. 9. Planigraphy of the lower part (horizon 4) of the third cultural layer, associated with the “Moldavian seleton”. 1 – horizon 4 (excavation plan 3); 2 – horizon 5 (excavation plan 4).

В свою очередь, в составе нуклеусов выделяется достаточно крупный экземпляр на начальной стадии раскалывания размером $11 \times 7,4 \times 6,5$

Рис. 10. Расчистка горизонта 3 третьего культурного слоя. 1 – на кв. I-J/17; 2 – на кв. J/17.

Fig. 10. Clearing of horizon 3 of the third cultural layer. 1 – on sq. I-J/17; 2 – on sq. J/17.

см, одноплощадочный, односторонний, в настоящее время, с уплощенным фронтом скалывания после снятия серии удлиненных сколов. Тыльная сторона – с неупорядоченной подтеской и остатками белой и коричневатой корки. Ударная площадка – широкая, скошенная, с множеством негативов подтески. Образование таких сколов на всем протяжении края площадки (6,5 см), возможно, связано не с попытками оживления ударной площадки, а с последствием эксплуатации этого предмета в качестве рубяще-го инструмента.

Еще один нуклеус из черного прутского кремня является единственным трехплощадочным экземпляром (рис. 15,15). Всего лишь один крупный отщеп, необычайно широкий, сколот с его боковой грани. При всем том, что этот нуклеус полностью очищен от корки, другие площадки никак не были реализованы.

Три нуклеуса отнесены к леваллуазским. В двух случаях, широкий скол после удара по не фасетированной ударной площадке не смог сколоть на всю длину рабочего фронта предполагаемую пластинчатую заготовку. У третьего чуть более крупного нуклеуса наблюдается прохождение «скалывающей волны» по всему фронту, после чего дополнительных попыток снятия заготовок не предпринималось.

Из 1035 отщепов наиболее импозантно выглядят 89 крупных, максимальная длина которых может достигать 9 см. Большая часть этих отщепов изготовлена из светло-серого желвачного кремня и только 31 предмет – из черного прутского. В сравнении с другими коллекциями среди них сравнительно меньше первичных сколов (в наличии 6 первичных и 23 полупервичных). Практически у всех отмечена неупорядоченная огранка спинки, параллельной не наблюдается, хотя встречается конвергентная. Характерно утяжеленное основание, массивный ударный бугорок и площадка. Среди выделяемых отбивных площадок, много широких гладких без фасеток (табл. 1). Излом и утрата основания отмечено у 17 экземпляров.

Отщепов средних размеров в пределах 3-5 см – 337 экз. Это наиболее востребованные сколы-заготовки для изготовления орудий. По-прежнему основной источник сырья – местный светло-серый кремень высокого качества. Из черного прутского кремня подготовлено шесть предметов, из темно-серого желвачного – 12. Излом и утрата одного из концов прослежена у 15 отщепов. Среди ударных площадок сравнительно много фасетированных и линейных.

Мелкие отщепы (609 экз.) крайне редко являются полноценными заготовками. Они не имеют единого стандарта, как по форме, так и по огранке дорсальной поверхности (рис. 16,1-

Ударные площадки	Отщепы			Всего
	крупные	средние	мелкие	
Точечные	5	8	20	33
Мелкие гладкие	3	16	30	49
Широкие гладкие	7	20	-	27
Фасетированные	3	6	6	15
Двугранные	4	2	-	6
Натуральные	4	5	4	13
Линейные	1	4	-	5
Неопределимые	7	43	103	153
Итого	34	104	163	301

Таблица 1. Распределение отщепов по величине и состоянию ударных площадок (выборка из 2 и 3 горизонтов третьего культурного слоя).

Table 1. Distribution of flakes by size and condition of the striking surfaces (sample from horizons 2 and 3 of the third cultural layer).

Рис. 11. Расчистка горизонта 4 третьего культурного слоя на кв. I-J/17.

Fig. 11. Clearing of horizon 4 of the third cultural layer on sq. I-J/17.

6). У половины из них сохраняются на спинке остатки желвачной корки. Фрагментировано 66 мелких отщепов. Наибольшее число среди отщепов этой группы составляют сколы менее 2 см в поперечнике, которые обычно попадают в категорию отходов обработки кремня. К отходам кремнеобработки также могут быть отнесены чешуйки (44 экз.), отдельные технические сколы (24 из 52) и все мелкие обломки и осколки кремня (17).

Среди технических сколов чуть меньше половины представлено сколами оживления ударных площадок нуклеусов, округлых очертаний до 4 см в поперечнике. Они получены с односторонних нуклеусов, а четыре экземпляра являются вторичными. При этом 2/3 этой группы оказались неудачными из-за образовавшихся заломов. Среди 20 краевых сколов типично реберчатых 13 экземпляров. Максимальная их длина 7 см. К техническим сколам отнесены и четыре резцовых отщепки, одна из которых вторичная. Среди сохранившихся ударных площадок распознаются четыре фасетированных ударных площадки, две двугранных и три с гладкой линейной.

В сравнении с отщепами, пластинчатые сколы однозначно производят впечатление наиболее технологически продвинутых артефактов. Они имеют лучшую огранку, крайне редко у них сохраняются участки корки, а благодаря отсутствию массивности их было легче

Наименование сколов	Пластинчатые сколы				
	Проксимальные концы	Медиальные части	Дистальные концы	Целые	Всего
Крупные пластины	2	-	2	6	10
Пластины	30	12	30	33	105
Пластинки	13	8	15	15	51
Микропластинки	1	3	3	13	20
Итого	46	23	50	67	186

Таблица 2. Степень фрагментации пластинчатых сколов.

Table 2. Fragmentation degree of lamellar chips.

превратить во вкладыши-вставки, путем удаления основания с ударным бугорком и более хрупкого верхнего конца.

Длина самой крупной пластины превышает 8 см, стандартной по величине пластины – 4-5 см, пластинки – 2,5-3 см, микропластинки – 1,2-2 см. В отличие от отщепов, у пластин значительно более высокий показатель фрагментации (табл. 2). Они сравнительно слабо изогнуты в профиле, а края параллельны или конвергенты друг другу. Как это не покажется странным, пластин с фасетированной или двугранной ударной площадкой нет. Обычны точеные площадки, реже линейные, натуральных всего три экземпляра. Среди микролитов более выражен стандарт пластинок, хотя в отличие от пластин для них характерна фрагментация, возможно преднамеренная. Что касается микропластинок, то они хоть и представлены серией, но выглядят так, как будто получились в процессе расщепления случайно при скалывании более крупного артефакта. Важно обратить внимание и на пластинчатые чешуйки подтреугольной формы. Как бы нам не хотелось обнаружить на их краях мельчайшую «абразивную» ретушь, её нет. Не выделяются здесь и пластинки типа Дюфур, по крайней мере, в коллекции 2024 г.

После многократного осмотра изделий с вторичной обработкой, число предполагаемых орудий было сокращено почти на треть. Статуса орудий лишились до половины ранее выделенных резцов. Почти такая же участь была уготована и скребкам, большая часть которых оказалась атипичной, что оказалось свойственным и для острий и тронкированных пластин. Не решен пока вопрос о допу-

стимом уровне сработанности рабочих лезвий у ножей с обушком, чтобы их считать орудиями, о степени необходимой протяженности ретушированного края у отщепов с ретушью. Сокращено число выемчатых и зубчато-выемчатых орудий, изделий с *encosche* или несколькими более мелкими выемками. В это же самое время, мы посчитали возможным ввести новую разновидность орудий, так называемых резчиков.

Среди селетоидных находок третьего культурного слоя, собранных в 2024 г. на кв. Н-1-Ж/17-19, выделяются скребла (12 экз.), комбинированные орудия (2), ножи с обушком (20), орудия для подтёски (5), ножевидные пластины (24), остроконечники (2), острия (8), выемчатые (21) и зубчато-выемчатые (21) орудия, а также резцы (14), резчики (5), скребки (11), ущемленные (6) и тронкированные (10) пластины, отщепы (11) и пластины (6) с ретушью, обломки орудий (6). Нетрудно заметить, что первая часть этих находок связана со среднепалеолитическими традициями, а вторая, с верхним палеолитом.

В ходе раскопок четырех селетоидных горизонтов третьего культурного слоя, выявленных на глубине 215-260 см, было собрано 184 орудий мустероидного, селетоидного и ориньякоидного облика. Надо признать, что наша попытка, как это уже отмечалось, отделить среднюю часть третьего культурного слоя (горизонты 2 и 3 на глубине 215-235 см), названного селетоидным прослоем [Kovalenko 2025] от самых нижних отложений третьего культурного слоя (горизонты 4 и 5 на глубине 235-260 см), условно названного мустероидным прослоем [Kovalenko 2025], оказалась

несостоятельной⁷. Оба слоя демонстрировали явные признаки сходства по всем составляющим собранных коллекций.

С типологической точки зрения самыми информативными группами кремневого инвентаря являются скребла, ножи с обушком, отдельные зубчато-выемчатые формы (характерные для финального среднего палеолита), а также скребки и резцы (верхнепалеолитический компонент). Обнаружены лишь два скребка высокой формы. Скребок-нуклеусов типа *rabot* не найдено. Из бифасов представлен только один артефакт, включенный в группу ножей с обушком (рис. 12). Его более точное название – бифасильный нож типа *клаузеннише* (*Klausennische* по Г. Бозинскому) [Bosinski 1967], который входит в состав более широкой группы *кайльмессер* (*Keilmesser*). Первоначально эта находка была воспринята как крупное скребло с утонченным основанием и обушком по одному краю, в то время как противоположный край на всем своем протяжении был проработан полукрутой чешуйчатой ретушью. Дистальный конец этого орудия мог использоваться и как долото, и в качестве скребла. Его полифункциональный характер очевиден⁸.

Практически все скребла выполнены на крупных массивных отщепках без правильной огранки спинки и с небольшими участками белой/серой желвачной корки (рис. 13,9-10,12-13). Ранее замеченная тенденция, когда

7. Мы предлагаем следующему поколению исследователей, используя новые методики раскопок, способы анализа артефактов и вмещающих их отложений, найти неординарные подходы в решении поставленных задач, хотя возможно спектр этих задач и существенно изменится. В этих целях мы сохраняем ряд нетронутых раскопками квадратов. Это, прежде всего, кв. G/18-19, H/17, H-I-J/20.

8. Любопытно, что на момент его извлечения из культурного слоя, его поверхность была интенсивно черной без патины, а уже при камеральной обработке он был покрыт «легкой серовато-голубой вуалью».

Рис. 12. Бифасильный нож типа *клаузеннише*.

Fig. 12. Biface knife of the *Klausennische* type.

предпочтение в выборе заготовки отдавалось отщепам с непомерно крупным основанием, соответственно с обширной ударной площадкой и громадным ударным бугорком, здесь проявилась в неполной мере. У остальных скребел ударная площадка небольшая и гладкая, лишь у одного она натуральная. Лезвия таких скребел продольные слабовыпуклые, а у двух экземпляров оно угловатое. Чешуйчатая регулярная полукрутая многоярусная ретушь заметна у одного орудия (рис. 13,9), а у остальных отмечена крутая чешуйчатая, крупнофасеточная чередующаяся или полифасеточная ретушь. Отмечен прием подтёски основания с целью его утончения. Средние размеры скребел 5-7 см. Совершенно очевидно, что они не

Рис. 13. Кремневые изделия из третьего культурного слоя. Молдавский селет. 1-8 – скребки; 9, 10a-b – скребло; 11 – нож с обушком; 12-13 – скребла.

Fig. 13. Flint products from the third cultural layer. Moldavian selet. 1-8 – scrapers; 9, 10a-b – scraper; 11 – knife with a back; 12-13 – scrapers.

образуют серий, их вторичная обработка оценивается как неустойчивая, а мустьерский облик не столь выражен.

По выбору исходной заготовки и характеру ретушного износа некоторые из скребел близки к ножам с обушком (рис. 13,11). Условно последние можно разделить на две составляющие: более мелкие экземпляры с натуральным обушком и забитой кромкой лезвия, иногда со следами от строгания; более крупные удлиненные экземпляры с реберчатым или угловатым обушком и сильным двусторонним износом лезвия, в одном случае используемого в качестве стамески. Иногда ножи с обушком имеют и другое предназначение, например, когда они

совмещены со скребком. Наше внимание обращено (рис. 15,6-7,9), прежде всего, на серию ножей с обушком, подготовленных на удлиненных технических сколах, у которых чаще всего реберчатая сторона в совокупности с близлежащим краем образовывали узкую грань, удобную для упора пальцев руки, а противоположный край естественно острый играл роль режущего лезвия. В настоящее время можно наблюдать признаки макроизноса лезвия в виде отдельно расположенных мелких фасеток в результате воздействия обрабатываемого материала, как с вентральной, так и дорсальной стороны. Протяженность лезвия 4-6 см. Каждое второе лезвие можно назвать мелкозубчатым.

Мы посчитали возможным выделить в коллекции два комбинированных орудия. Первое из них представляет собой резец – скребло с обушком, подготовленным на крупном первичном отщепе. Короткое поперечное лезвие углового резца сочетается с продольным рабочим краем скребла, сформированного вентральной чешуйчатой и крупной фасеточной ретушью. Лезвие этого скребла слегка выпуклое и волнистое, дополняется естественным обушком по противоположному краю. Протяженность лезвия – не менее 6 см. Второе комбинированное орудие определено как резец – скребло – резчик на крупном массивном сколе (рис. 15,11a-b). Резец угловой атипичный, резцовый скол короткий, шириной до 8 мм. Резчик на угловом участке дистального конца, с сильно затупленным лезвием, выделенный с двух сторон небольшими выемками. Лезвие скребла подготовлено регулярной вентральной ретушью поименно тому продольному краю, который должен быть снят при удачном оформлении резца, чего не произошло. Так что мы впервые столкнулись с технологическим приемом на памятниках начального этапа верхнего палеолита, благодаря которому перед снятием резцового скола производилось притупление края, что весьма облегчает миссию по определению функционального назначения орудий.

Орудия для подтёски выделяются своими крупными размерами, в поперечнике превышая 6 см. У двух из них также просматривается неказистый обушок и относительно прямое мелкозубчатое лезвие, зачастую сформированное на продольном краю отщепа. Порой рабочее лезвие предварительно не оформлялось и тот интенсивный износ, который сейчас легко просматривается, является именно следствием работы, а не каких-либо действий, формирующих лезвие. Причем этот износ больше напоминает забитость не просто кромки края, а самого края на большую глубину и на всем его протяжении. Протяженность же такого рабочего края была не меньше 5-6 см, иногда охватывая не только выпуклые участки края, но и угловые с ним сопряженные. При этом какого-либо приострения края ретушью не отмечено.

Выемчатые орудия выполнены исключительно на массивных отщепах. У 2/3 таких

орудий зафиксировано по одной выемке. Как форма, так и расположение выемок варьирует. Обращают на себя внимание более крупные ретушированные выемки на дистальном конце отщепов. Среди них встречаются и орудия с обушком. В брынзенской коллекции выемчатые орудия – одна из самых распространенных групп кремневого инвентаря (рис. 14,18), но отсутствие среди них каких-либо стандартов существенно снижает их значение.

Казалось бы, разница между выемчатыми орудиями и зубчато-выемчатыми не должна быть большой. Однако в нашем случае это не совсем так. Ряд колоритных зубчато-выемчатых форм (рис. 15,2-5) буквально испещрены мелкими ретушированными выемками, подготовленных как с дорсальной поверхности, так и с вентральной, образуя выступы и зубцы, создавая иллюзию интенсивного износа. Если присмотреться внимательней, то становится очевидным, что основной эффект зазубренности достигался при помощи кромочной выщербленности и мелкофасеточной ретуши утилизации. Больше половины артефактов этой группы имеет натуральный обушок. В их составе имеется один отщеп с фасетированной ударной площадкой, остальные представлены более крупными гладкими площадками. Для изготовления зубчатых орудий привлекались и пластины средних размеров. Большая их часть фрагментирована, а один даже обожжен. У трех пластин отмечено усечение обоих концов, а у двух необычно сильный краевой износ в виде чешуйчатой вентральной ретуши, которая могла быть достаточно глубокой. Обычно у этой разновидности орудий одной или двумя выемками оформлен небольшой выступ. Длина наиболее выразительных образцов – около 6 см, хотя не редкость и 4 см. У трех зубчатых орудий ударные площадки фасетированные, у двух она гладкая и у одного натуральная.

С верхнепалеолитическим комплексом мы связываем 84 артефакта. Это уже упомянутые ножи на цельных пластинах крупных размеров, пластины с краевой ретушью, пластины ущемленные, пластины тронкированные, резцы и скребки, сверло-развертка, и, как это не покажется странным, один из остроконечников.

Ножевидные пластины крупных размеров (рис. 14,13,15,17; 15,8,10,12-14; 16,21) с пра-

вильной огранкой спинки, с одним или двумя лезвиями и размером 95×24×13 и 83×40×13 мм, 88×34×11,5 и 67×30×10 мм, в последнем случае с обломанным дистальным концом. Заготовками для этой группы инвентаря служили широкие пластины с параллельными краями без преднамеренно нанесенной ретуши. Они производят впечатление типичных верхнепалеолитических орудий. Исключение составляют две пластины шириной в 2-3 см с поперечно обломанным дистальным концом и ретушированным основанием. Оба их края испещрены мелкими фасетками, не образующих

сплошную линию утилизации. У одного из них проксимальный конец обработан крутой крупнофасеточной вентральной ретушью по дуге, с двумя неглубокими выемками по обоим краям, образующих подобие «рыльца» – *à museau* – сильно скошенного (рис. 15,13), по своим очертаниям первоначально принятого за скребок. Другой любопытный экземпляр ножевидной пластины также имеет дополнительную обработку проксимального конца мелкой крутой ретушью по дуге, с одного края, и в виде двух неглубоких ретушированных выемок, по противоположному. У пяти ножевид-

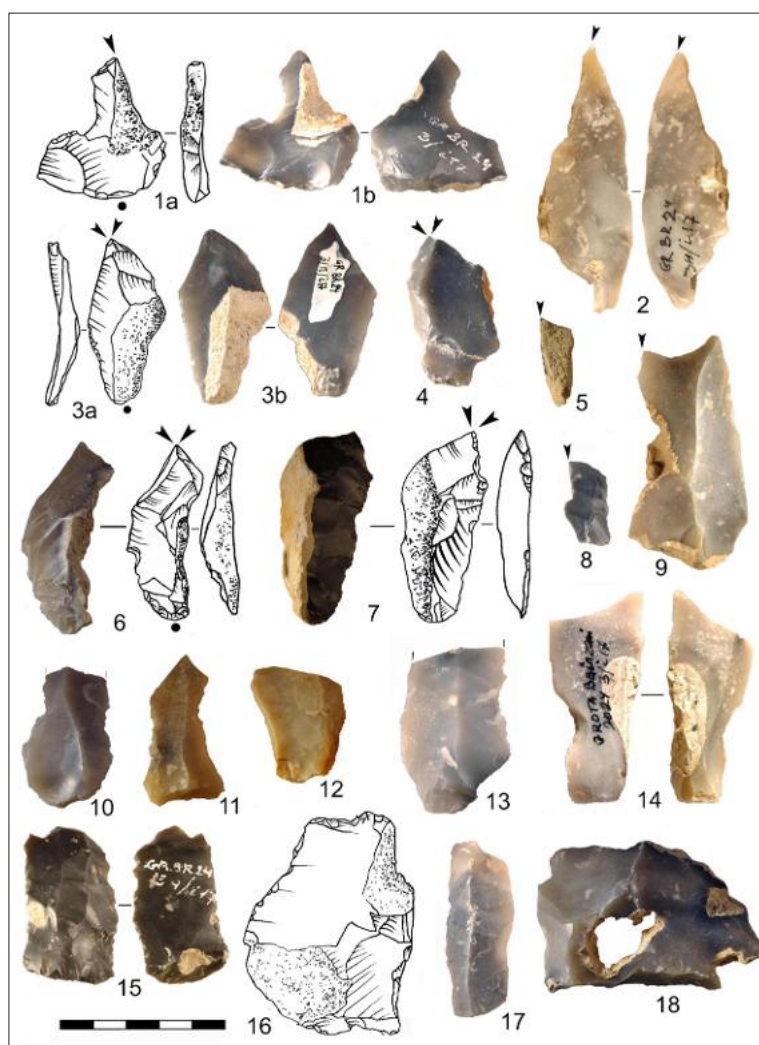

Рис. 14. Кремневые артефакты из третьего культурного слоя. Молдавский селет. 1-9 – резцы; 10-11, 14 – фрагменты пластин «с перехватом»; 12 – резчик; 13, 15, 17 – фрагменты ножевидных пластин; 16 – атипичный скребок; 18 – выемчатое орудие.

Fig. 14. Flint artifacts from the third cultural layer. Moldavian Selet. 1-9 – burins; 10-11, 14 – fragments of plates “with a grip”; 12 – carver; 13, 15, 17 – fragments of knife-shaped plates; 16 – atypical scraper; 18 – notched tool.

ных пластин отмечены фасетированные ударные площадки, у двух натуральные корочные, еще у одного она гладкая и широкая. К ним примыкают более мелкие ножевидные пластины (рис. 14,14).

Необычны пластины с «ущемлением» в средней части заготовки (рис. 14,10-11,14; 16,17) в виде широких выемок с двух сторон (3) и с одной выемкой по краю узкой длинной пластины. Обращает на себя внимание и тот факт, что один из концов этих пластин обязательно обломан. Видимо, они имеют разное функциональное назначение, на что указывает присутствие сильной чешуйчатой сработанности с вентральной поверхности.

Для тронкированных пластин (рис. 15,1; 16,16) характерно присутствие на дистальном конце мелкой ретуши или заметной визуально выщербленности. Казалось бы, в эту категорию артефактов могли бы войти десятки брызженских находок. Тем не менее, мы слишком строго подошли к процедуре отбора образцов, в результате к тронкированным изделиям было первоначально отнесено около десятка предметов, потом их число сократилось до 4, сейчас известно 10. Наиболее выразительны два дистальных фрагмента пластин с мелкозубчатой ретушью не только на конце, но и прилегающих краях. Эти предметы не всегда можно назвать орудиями, тем не менее, частично вторичная обработка на них распознается. У двух целых пластин *tronque* ударная площадка фасетированная или крупная гладкая.

Несколько резчиков на отщепках средних размеров (рис. 14,12) на одном или двух угловых участках имеют специфическую замятость, выкрошенность. Два резчика атипичны.

Все резцы (рис. 14,1-9) имеют четко выраженный верхнепалеолитический облик. За исключением двух резцов – поперечноретушного и мелкого косоретушного, а также нескольких атипичных микролитичных (рис. 14,3-4,6-7), все они двугранные, большинство *dejéte*, но с симметрично оформленным лезвием, выполненным на вытянутых полупервичных сколах длиной до 6 см. Ширина самих резцовых отщепок не превышает 6 мм. Вторичная обработка краев ретушью не свойственна, также как преднамеренное обламывание концов. При этом распространена зазубренность кра-

ев, иногда в сочетании с выщерблинами, в то время как на противоположном краю размещается обушок, часть которого покрыта меловой коркой.

Скребки. Хотя называть их скребками верхнего палеолита, по нашему мнению, не совсем верно. Из семи изделий этой группы верхнепалеолитическими выглядят только два, да и то это скребки весьма необычные. Первое орудие – высокой формы на отщепе, широкое лезвие которого выделено с двух сторон небольшими выемками (рис. 14,7). Второй скребок вообще микролитичный с лезвием на конце удлиненного скола с обломанным основанием (рис. 13,1). Остальные скребки имеют либо нестандартное расположение лезвия, либо ограниченный по протяженности участок с вторичной (ретушной) обработкой. У трех предметов оно угловое, скошенное, с использованием крупнофасеточной ретуши (рис. 13,4-6). Еще у одного, оно типично боковое, но недоработанное. Индивидуальное оформление имеют и два последних скребковидных предмета. В одном случае, это подчеркнутое широкой выемкой узкое выступающее лезвие типа *à museau* (рис. 13,21), в другом, неровное затупленное, ориентированное поперек его длинной оси, с небольшой ретушированной выемкой в середине (рис. 14,16). У всех шести последних скребков ударные площадки гладкие широкие, к которым обязательно прилегает небольшой участок меловой корки.

Еще четыре скребка требуют отдельного рассмотрения. Для их изготовления использовался наиболее распространенная серая желвачная порода местного происхождения. Это светлый полупрозрачный кремний с вкраплениями белесых пятен и пятнышек, с высокой степенью распространения каверн. Какого-либо приоритета в выборе заготовок для этих находок не наблюдается. В двух случаях это однозначно сколы оживления ударных площадок нуклеусов, у которых рабочие лезвия по дуге проработаны мелкофасеточной и мелкозубчатой ретушью (рис. 13,2,9). Более мелкий скребок имеет размеры 29×25×5 мм, а крупный 51×36×13 мм. Необходимо также отметить присутствие у них слабопрофилированного выступа. Назвать их скребками *à museau* будет преждевременно, хотя рыльце

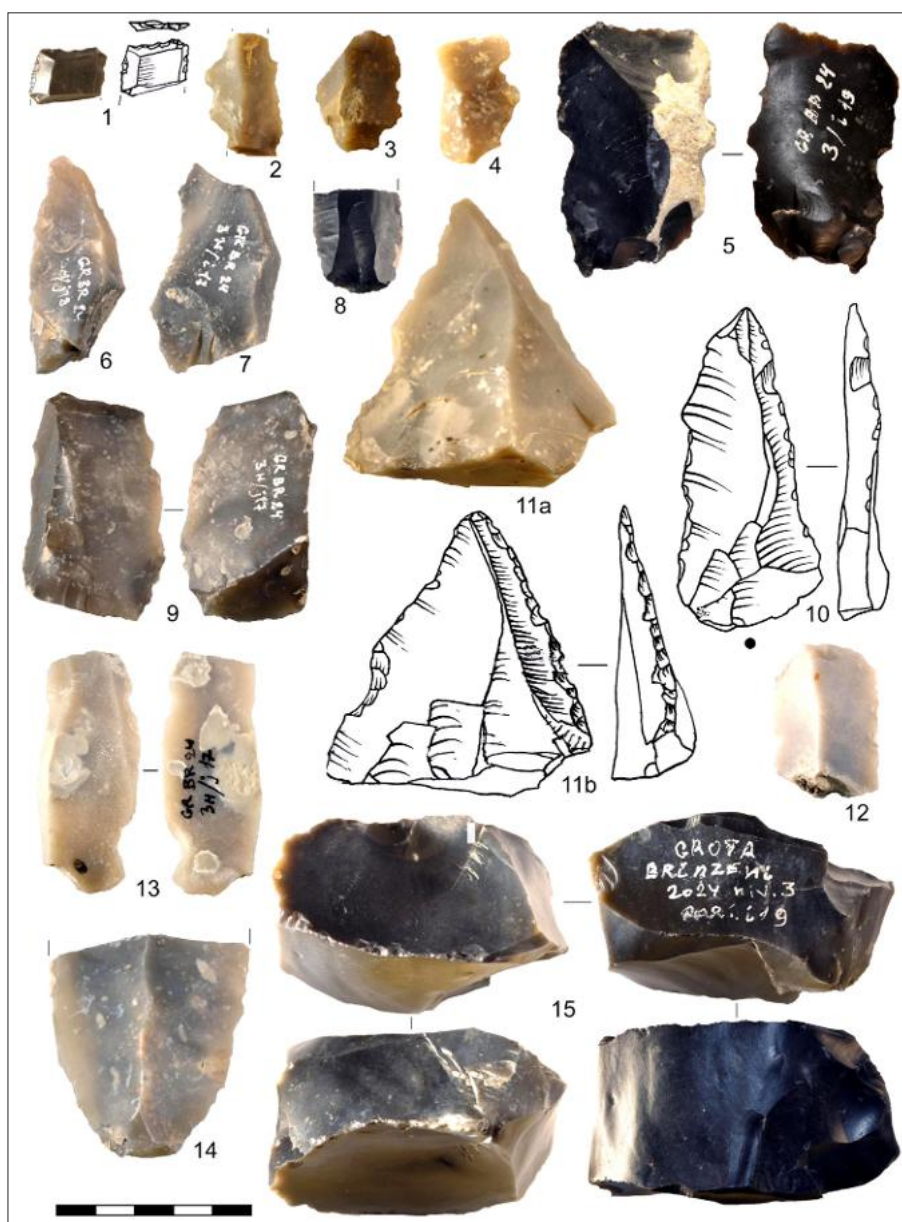

Рис. 15. Кремневые изделия из третьего культурного слоя. Молдавский селет. 1 – фрагмент тронкированной пластины; 2-5 – зубчато-выемчатые орудия; 6-7, 9 – ножи с обушком; 8, 10, 12-14 – ножевидные пластины; 11a-b – комбинированное орудие; 15 – нуклеус из черного прутского кремня.

Fig. 15. Flint products from the third cultural layer. Moldavian Selet. 1 – fragment of truncated plate; 2-5 – serrated-notched tools; 6-7, 9 – knives with a back; 8, 10, 12-14 – knife-shaped plates; 11a-b – combined tool; 15 – core made of black Prut flint.

выделено на лезвии двумя выемками, образующих чешуйчатыми фасетками. Более определенно скребком *à museau* можно назвать третий экземпляр (рис. 13,3) на мелком отщепе размером 32×25×5 мм. Выделенное с двух сторон полукруглыми чешуйчатыми фасетками «рыльце» выглядит симметричным, сам выступ несколько спрямлен и проработан крутой

ретушью. И, наконец, последний четвертый скребок подготовлен на полупервичном отщепе средних размеров. Слабо моделированное лезвие смещено с дистального конца вниз к краю, образуя угловой участок лезвия. Любопытно, что все четыре скребка обнаружены на одном квадрате – I/17. У двух скребков на отщепах ударные площадки предположитель-

но двугранные, а у образца на крупном сколе оживления она фасетированная.

В группе первоначально выделяемых острий (рис. 16,7-11,13-15,18-19) оказались два мустьерских остроконечника, одно сверло-развертка и одно атипичное острие. Два остроконечника подготовлены на достаточно крупных отщепах от 4,5 до 5,5 см, без правильной огранки спинки, со сходящимися к дистальному концу краями. Для вторичной обработки обоих остроконечников использовалась крупнофасеточная ретушь, в большинстве случаев преднамеренно нанесенная, формирующая зубчато-выемчатые очертания двух краев. Острие у обоих орудий скошенное, у более крупного остроконечника оно подготовлено по дуге с вентральной стороны, а противоположному прямому краю с дорсальной, но только вблизи самого острия (рис. 16,13а-б). Для второго остроконечника свойственно дополнительное применение крупной чередующейся ретуши и мелкой регулярной на всем протяжении краев (рис. 16,14).

Каждое из шести острий требует индивидуального рассмотрения. Первое и самое крупное из острий подготовлено на массивном сколе с неупорядоченной огранкой спинки. У его дистального естественно острого конца отмечена череда крупных фасеток, но только с одной стороны. Назвать этот предмет остроконечником мы не можем, так как заметная в настоящее время ретушь не имеет отношение к вторичной обработке, а является результатом утилизации (рис. 16,18). Более определенное представление у нас сложилось по поводу острия леваллуа, для которого использован отщеп подтреугольных очертаний, с конвергентной огранкой дорсальной поверхности, с крупной и гладкой отбивной площадкой. По обоим краям этой находки наблюдается достаточно интенсивная ретушь утилизации, иногда образующая мелкие неглубокие выемки типа *encoche*. Его размеры – 50×30×10 мм (рис. 16,19). Следующие два острия выполнены на удлиненных сколах, у которых проксимальный конец утрачен, а само острие выделено посредством мелкозубчатой ретуши с двух сторон. Еще одно острие на массивном краевом сколе имеет короткое жальце, скошенное посредством одной небольшой выемки

(рис. 16,15). И, наконец, последнее из группы острий, с клювовидным расположением лезвия подготовлено на пластине, обработанное у самого острия притупляющей ретушью, как по дистальному концу, так и прилегающему участку края.

Сверло-развертка (рис. 16,12) произведена на удлиненном массивном сколе, на сохранившемся дистальном конце которого заметна противолежащая ретушь. Предварительно мы выделяем и острие (?) на проксимальном конце мелкого отщепа.

Оставшиеся изделия со вторичной обработкой представлены в обломках, в их числе два дистальных конца, три проксимальных конца с крупнофасеточной полукрутой ретушью, одно сечение пластины с интенсивным ретушным износом с брюшка, что позволяет этот предмет относить к вкладышам-вставкам.

Третий культурный слой. Нижняя часть культурных напластований. Заключение

Кремневые артефакты из всех четырех горизонтов, залегающих под эпиграветским горизонтом третьего культурного слоя, обладают четко выраженными селетоидными признаками, включая весомую долю мустероидных элементов в оформлении сколов-заготовок, общей конфигурации и специфике износа, а также в распространении верхнепалеолитических элементов, заметных по расширенному производству пластинчатых сколов, прежде всего, пластин и пластинок, весомой доли среди изделий с вторичной обработкой резцов и предметов с резцовым сколом, присутствию редких граветтоидных пластинок.

К мустероидным элементам, проявившимся в коллекции кремневых изделий из селетоидных горизонтов третьего культурного слоя, можно отнести увеличение числа крупных сколов, напоминающих «лимонные дольки». Эта техника скалывания могла существенно менять облик индустрии не только памятников финального среднего палеолита, но и переходного типа, симбиотических памятников, где такого рода заготовки использовались для подготовки ножей с обушком.

Следующая выборка селетоидных изделий, определяющих индустриальный облик рассматриваемой коллекции, связана с при-

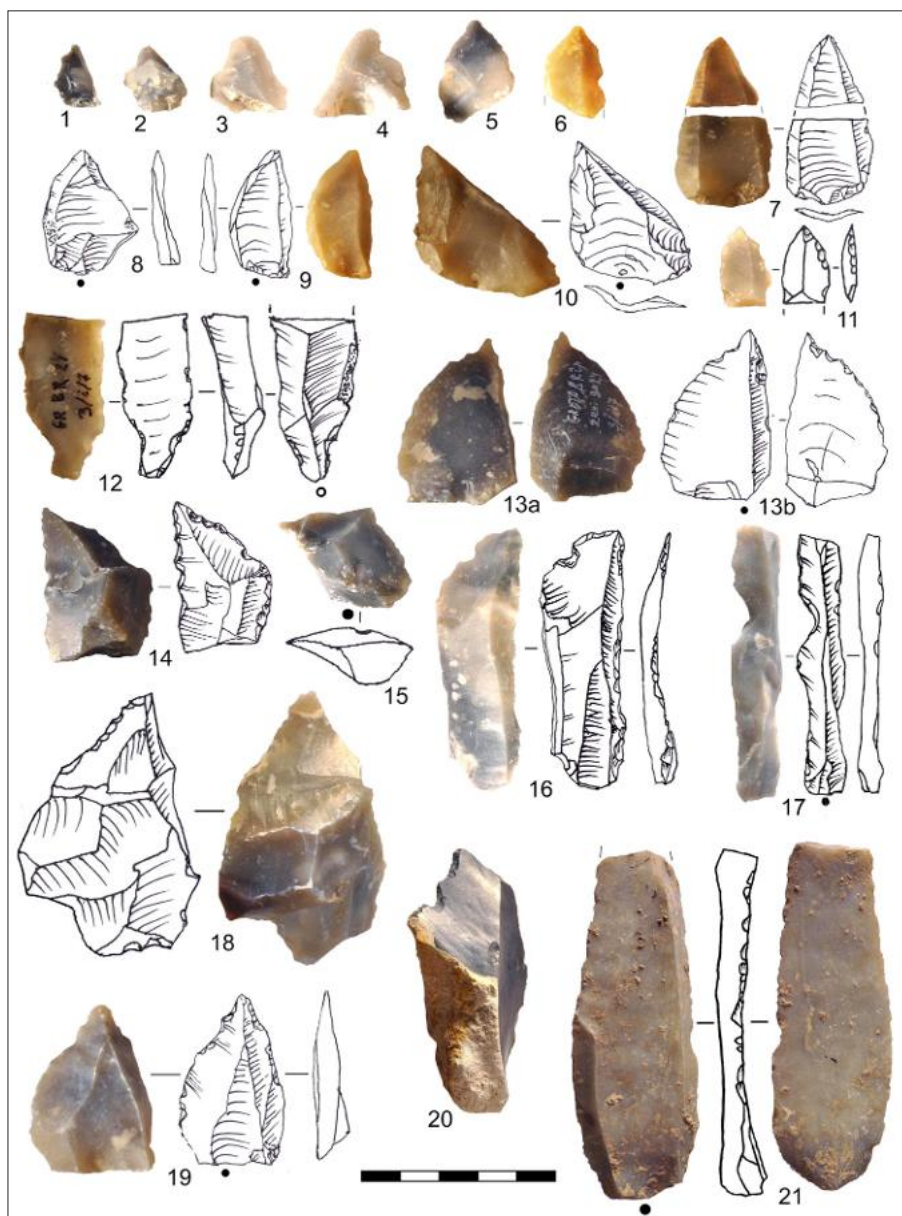

Рис. 16. Кремневые находки из третьего культурного слоя. Молдавский селет. 1-6 – мелкие подтреугольные сколы с конвергентной огранкой; 7-10, 19 – острия леваллуа и псевдолеваллуа; 11-15, 18 – острия, остроконечники, проколки, развертка; 16 – тронкированная пластина; 17 – ущемленная пластина; 20 – зубчато-выемчатое орудие; 21 – крупная ножевидная пластина.

Fig. 16. Flint finds from the third cultural layer. Moldavian Selet. 1-6 – small subtriangular spalls with convergent cutting; 7-10, 19 – Levallois and pseudo-Levallois points; 11-15, 18 – points, pointed ends, piercers, reamer; 16 – truncated blade; 17 – pinched blade; 20 – serrated-notched tool; 21 – large knife-shaped blade.

влечением в качестве заготовок для режущих орудий отщепов, напоминающих клетонские, то есть коротких, массивных, с очень крупной ударной площадкой и бугорком, часто подтреугольной формы и обязательно с неправильной огранкой спинки.

Используются отщепы и другого типа, с более правильной огранкой, образованной при конвергентном или радиальном снятии предшествующих сколов. Почти у всех разновидностей крупных отщепов наблюдается сильная выщербленность кромки, по нашему

мнению, не связанная с деятельностью человека. Её образование объясняется различного рода факторами природного характера. Вместе с тем, среди них все-таки встречаются отдельные артефакты с преднамеренно нанесенной вторичной обработкой.

В представленной коллекции кремневых артефактов изначально ожидалось появление орудий, свойственных верхнему палеолиту. Их оказалось немного, но они достаточно показательны, а типологический облик этих предметов указывает на их вероятную связь именно с начальной порой верхнего палеолита.

При осмотре находок из двух верхних селетоидного горизонтов в составе крупнообломочных напластований, показали присутствие у них сильных повреждений краевых участков. Сбитость кромки, самопроизвольное образование выемок как мелких, так и достаточно широких, формирование зубчатости, создающей впечатление о преднамеренности её нанесения. При этом зубчато-выемчатые повреждения выглядят так, как будто они были получены сравнительно недавно.

Парадоксально, но уже первая раскладка кремневого материала, сопоставимого с так называемым «мустьероидным прослоем» третьего культурного слоя создала впечатление некоего аналога уже рассмотренной коллекции кремневых находок, а именно материалов, связанных с «селетоидным прослоем». Мы были крайне удивлены, не выявив сколько-нибудь заметного отличия между ними и в изделиях с вторичной обработкой, и в характере этой обработки. Некоторые изменения прослеживаются лишь среди отщепов мустьероидного прослоя, увеличение среди них числа сколов со специфической ударной площадкой (фасетированной, натуральной или двугранной), а также возможного возрастания массы получаемых заготовок, прежде всего, за счет большего количества первичных и полупервичных сколов. Эта оценка носит, конечно же, субъективный характер, без проведения соответствующих замеров. Это же можно сказать и о конвергентной огранке, которая якобы в ходе раскопок мустьероидного прослоя фиксировалась несравненно чаще, чем это наблюдалось в селетоидном прослое. Определенное различие просматривается и по относитель-

ному числу пластинчатых сколов в обеих коллекциях, в частности присутствию меньшего числа обломанных по обоим концам пластин. Но этого, по нашему мнению, недостаточно для противопоставления двух коллекций и тем более соотнесение их с различными эпохами. Так или иначе, различие между двумя коллекциями вполне укладываются в рамки существующей между родственными индустриями и наборами инвентаря допустимой погрешности. По нашему представлению, нет оснований даже производить замеры и подсчеты индексов леваллуа, подправки, фасетирования, массивности и др. А это значит, что очередная попытка разделить селетоидную часть коллекции третьего культурного слоя как стратиграфически, так и технико-типологически, оказалась неудачной. Исходя из этого мы вынуждены рассматривать «молдавский селет» по Н.А. Кетрару, «ориньяк с бифасами» по И.А. Борзияку или «культуру Рипичень-Брынзень» по В. Кирикэ [Chirica *et all.* 1996, 175-184; Borzias *et all.* 2006, 213-232; Borzias 2008; Chirica, Bodi 2011, 124], как вполне реально существовавшие общности или технокомплексы начальной поры верхнего палеолита. Это первое заключение, которое можно сделать, основываясь на конкретном археологическом материале, полученном в ходе раскопок грота Брынзены в прошедшем году. А это позволяет рассматривать территорию Карпато-Днестровского региона в рамках единого процесса социально-хозяйственного развития, происходившего на пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях смены антропологического состава населения на переходе от среднего к верхнему палеолиту.

Третий культурный слой. Изделия и поделки из кости и бивня мамонта

В 2024 г. помимо кремневых и песчаниковых артефактов в ходе раскопок были выявлены костяные и бивневые орудия, поделки, предметы неутилитарного назначения, а изделия из рогового сырья представлены всего лишь двумя небольшими обломками роговых стержней (рис. 17,12-13), предположительно, северного оленя. С третьим культурным слоем, прежде всего с его нижней частью, связаны

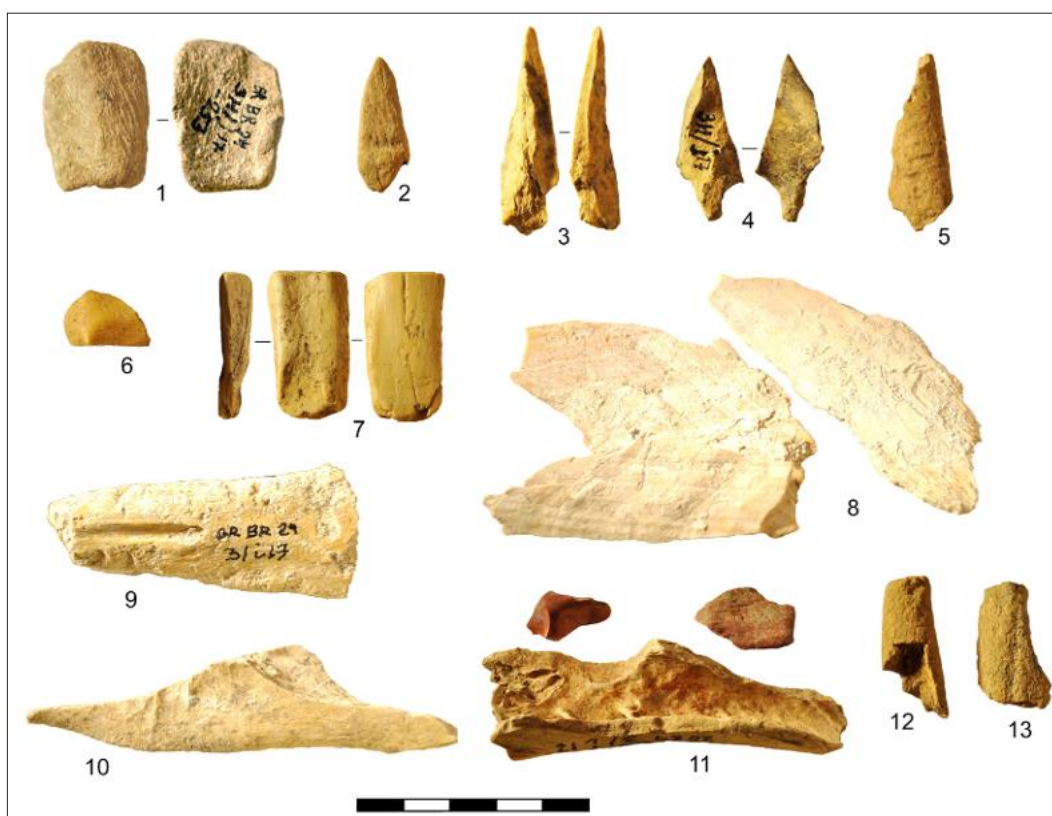

Рис. 17. Предметы из кости, рога и бивня из третьего культурного слоя. Молдавский селет: 1-13 – предметы из кости, рога и бивня.

Fig. 17. Bone, antler, and mammoth ivory artifacts from the third cultural layer. Moldavian Szeletian. 1-13 – artifacts made of bone, antler, and ivory.

восемь предметов, а в средней части выявлены девять находок. Учитывая наше заключение по кремневым артефактам, определивших отсутствие принципиально важных различий между условно выделяемыми селетоидным и мустье-роидным комплексами, мы решили не рассматривать костяные и бивневые находки отдельно. Тем не менее, излишней информации не бывает, и мы старались указывать, либо глубину залегания артефактов, либо его принадлежность к среднему или нижнему прослоям третьего культурного слоя. Всего индивидуальных находок из кости и бивня в 2024 г. было собрано 19 экземпляров, в их числе семь предметов использовались в хозяйственной деятельности. Среди них два резака из стенок трубчатых костей, обломанных таким образом, чтобы создать косой срез и подготовить рабочее лезвие. Размеры самого крупного из них $9 \times 4 \times 1,5$ см. Стёртость (сглаженность) его рабочей кромки очень высокая. Заполировка отсутствует.

Следующие два орудия крайне необычны. По нашему предположению, это шпателя по мягкому материалу (рис. 17,1). Крайне сильный износ всей поверхности этих орудий, подготовленных из небольших фрагментов трубчатых костей животных, вызывает удивление. Более того, эти предметы использовались без рукоятки. Могли ли они привлекаться для разглаживания швов, остается не ясным. Необходимы полноценные трасологические исследования. Размеры этих орудий $3 \times 1,5 \times 0,3$ и $3,5 \times 2,5 \times 0,4$ см. Как два резака, так и два шпателя обнаружены в нижней части третьего культурного слоя на кв. I-J/17. Для одного из шпателей зафиксирована глубина залегания в 253 см от 0.

Обращает на себя внимание находка продольно расколотой трубчатой кости, обнаруженной на кв. I/17, но несколько выше по уровню залегания, чем предшествующие предметы. Окрашенность красной охрой вну-

тренней части этой кости свидетельствует об её предназначении как некой ёмкости для временного размещения красящего вещества (рис. 17,11). Поблизости от этой находки выявлены два окатанных кусочка (сгустка) плотного красящего вещества в 1,5 и 2 см в поперечнике.

Более низкое расположение по уровню залегания в составе третьего культурного слоя имеет поделка из бивня мамонта или, если быть более точным, нижняя часть бивневой пластины (рис. 17,7), которая отсечена от основной части посредством прорезания пазов, определивших место излома. Вся поверхность этого предмета, его грани и края сильно сглажены, затерты, а лицевая сторона заполирована. Его размеры 3,4×1,9×0,7 см. Нижний конец этой поделки, противоположный обломанному, несколько закруглен, утончен, а на лицевой поверхности имеет короткие еле заметные насечки, расположенные хаотично, без какой-либо системы. Вторая бивневая находка не столь интересна. Это мелкий плотный отщеп до 2 см в поперечнике, без какой-либо огранки, но с четко выраженной ударной площадкой и бугорком (рис. 17,6)⁹. Из других бивневых находок, не имеющих признаков ка-

кой-либо обработки, обнаружены фрагменты четырех пластин, средняя длина которых 7-8 см (рис. 17,8).

В качестве производственного инвентаря могли использоваться и три шильца из обломков стенок трубчатых костей (рис. 17,2-4), у которых один из естественно острых концов преднамеренно заточен (пришлифован), но только с одной стороны. Эти миниатюрные орудия имеют длину от 3 до 4,7 см. Последние три индивидуальные находки представлены обломком толстостенной кости с утраченными эпифизами и со следами многочисленных поперечных погрызов (рис. 17,9), фрагментом лопатки мелкого животного, на одной из поверхностей которой «невооруженным глазом» заметны следы сработанности в виде множества мельчайших линейных бороздок, а также слабая залощенность (рис. 17,10). Для третьей находки использована мелкая трубчатая кость, вероятно, птицы, по краю которой прослежены короткие поперечные насечки (рис. 17,5), скомпонованные в один ряд, с почти равным промежутком между ними. Назвать последнюю находку «счетной палочкой», по нашему мнению, преждевременно.

9. Такой тип скола довольно распространен на верхнепалеолитических стоянках [Khlopachev 2006, 31-36, 49-133].

Библиография

- Borziac 2008:** I. Borziac, Paleoliticul superior din spațiul Carpato-Nistrean (cronostratigrafie, cronologie și periodizare culturală). Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice, (Chișinău 2008).
- Borziak 1988:** I.A. Borziak, Otchet Dnestrovskoi ekspeditsii o polevykh issledovaniakh v 1987 godu. Arkhiv NMIM, Nr. 265, (Kishinev 1988) // И.А. Борзьяк, Днестровской экспедиции о полевых исследованиях в 1987 году. Архив НМИИ, № 265, (Кишинев 1988).
- Borziac et al. 2006:** I. Borziac, V. Chirica, V.-C. Văleanu, Culture et sociétés pendant le paléolithique supérieur à travers l'espace Carpato-Dniestréen. (Iași 2006).
- Bosinski 1967:** G. Bosinski, Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. (Köln 1967).
- Chirica, Bodi 2011:** V. Chirica, G. Bodi, Contribuții la crearea unui sistem informatic geografic pentru modelarea atlasului arheologic al spațiului Carpato-Nistrean. (Iași 2011).
- Chirica et al. 1996:** V. Chirica, I. Borziac, N. Chetraru, Gisements du paleolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. (Iași 1996)
- Covalenco, Chetraru 1998:** S. Covalenco, N. Chetraru, Stațiunea mezolitică în grota Brânzeni. Tyragetia, VI-VII, 1998, 57-67.
- Khlopachev 2006:** G.A. Hlopachev, Bivnevyie industrii verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy. (Sankt-Peterburg 2006) // Г.А. Хлопачев, Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. (Санкт-Петербург 2006).

Ketraru 1961: N. Ketraru, Otchet o rabotakh paleoliticheskogo otriada (Moldavskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia) v 1960 g. Arkhiv NMIM, inv. Nr. 400, (Kishinev 1961) // Н.А. Кетрару, Отчет о работах палеолитического отряда (Молдавская археологическая экспедиция) в 1960 г. Архив НМИМ, № 400, (Кишинев 1961).

Ketraru 1965: N.A. Ketraru, Otchet o polevykh issledovaniikh paleoliticheskogo otriada Pruto-Dnestrovskoi i Moldavskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1963-1964 gg. u s. Buteshty. Arkhiv NMIM, inv. Nr. 23, (Kishinev 1965) // Н.А. Кетрару, Отчет о полевых исследованиях палеолитического отряда Пруто-Днестровской и Молдавской археологических экспедиций в 1963-1964 гг. у с. Бутешты. Архив НМИМ, № 23, (Кишинев 1965).

Ketraru 1973: N.A. Ketraru, Pamiatniki epoch paleolita i mezolita. In: (N.K. Anisiutkin, G.V. Grigor'eva red.) Arkheologicheskaiia karta Moldavii SSR, vyp. 1, (Kishinev 1973) // Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. В сб.: (Н.К. Аниюткин, Г.В. Григорьева, ред.) Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 1, (Кишинев 1973).

Kovalenko 2025: S. Kovalenko, Otchet o arkheologicheskikh rabot na stoyanki v grote Brynzeny 2024 g. Arkhiv NMIM, (Kishinev 2025) // С. Коваленко, Отчет о археологических работ на стоянки в гроте Брынзены 2024 г. Архив НМИМ, (Кишинев 2025).

Rogachev, Anikovich 1984: A. Rogachev, M. Anikovich, Pozdnii paleolit Ruskoi ravнины i Kryma. Paleolit SSSR, Seria: Arkheologiya SSSR, T.1, (Moskva 1984) // А.Н. Рогачев, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. Палеолит СССР, Серия: Археология СССР, Т.1, (Москва 1984).

Сергей Коваленко†, др., Национальный Музей Историй Молдовы, ул. 31 August 1989, 121A, MD-2012, Кишинев, Республика Молдова.

Наталья Овчарова, Национальное Агенство Археологий, ул. Mihai Eminescu, 50, 319, MD-2012 // научный сотрудник, Центр Археологий “Ион Никулице”, Государственный Университет Молдовы, ул. Al. Mateevici 60, MD-2009, Кишинев, Республика Молдова, e-mail: ovsearovnatalia@gmail.com ORCID: 0009-0008-1254-5282.

Виталии Бурлаку, научный сотрудник, Секция Археологическое Наследие, Институт Культурного Наследия, Бл. Ștefan cel Mare și Sânt 1, MD-2001, Кишинев, Республика Молдова, e-mail: burlacu.vitale@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0086-6675.

Александр Левинский, др., Национальный Музей Историй Молдовы, ул. 31 August 1989, 121A, MD-2012, Кишинев, Республика Молдова, e-mail: levinschi.alex@gmail.com.

Виорика Паскарь†, Институт Зоологий, ул. Academiei 1, MD-2028, Кишинев, Республика Молдова.

Яцек Лудвизак, I.C.S. “Moldova Zahăr” S.R.L., ул. Renașterii 3, с. Купчинь, Республика Молдова, e-mail: jacekludwiczak58@gmail.com.